

ПОЕЗДКА ЭДВАРДА-ДАНЬЕЛА КЛАРКА И ПЕТЕРА-СИМОНА ПАЛЛАСА В ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В СЕНТЯБРЕ 1800 Г.

Никита Игоревич Храпунов

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>

Аннотация. В работе рассматривается специфический источник по истории Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. – рассказ британского путешественника Эдварда-Даньела Кларка о поездке на юго-западную оконечность полуострова для осмотра археологических памятников разных эпох. Эта история стала одной из глав в «Путешествиях» Кларка, завоевавших широкую популярность и во многом определивших представления о Крыме в западной общественной мысли. Кларк внес немалый вклад в формирование некоторых стереотипов в отношении Крыма и России, сохраняющих актуальность до наших дней, в частности, обвинив русских в целенаправленном и бессмысленном уничтожении памятников археологии. Спутником и проводником Кларка в этой поездке был знаменитый натуралист Петер-Симон Паллас. За несколько дней они осмотрели памятники Мангупского городища, Гераклеяского полуострова, мыса Айя и его окрестностей, а также долины селения Чоргун (ныне Черноречье). При подготовке книги Кларк значительно переработал материалы путевого дневника, в частности, дополнив их анализом античных и средневековых источников, цитаты из которых привел в подстрочных примечаниях. Записки Кларка зафиксировали состояние ряда объектов, впоследствии пострадавших от природных и антропогенных факторов. Документ показывает, как исследователи той эпохи анализировали увиденное и, следовательно, позволяют реконструировать начальный этап изучения прошлого региона. Помимо археологических сюжетов, Кларк обратился к некоторым современным реалиям, например, рассказал о добыче и использовании сукновальной глины, о эпидемиях в Крыму, одежде крымско-татарской знати, русских солдатах, некоторых особенностях крымской ботаники. Впервые публикуется русский перевод соответствующего раздела из сочинения Кларка.

Ключевые слова: Эдвард-Даньел Кларк, Петер-Симон Паллас, травелог, имагология, воображаемая география, Крым, Российская империя

Благодарности: Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Я искренне признателен коллегам – канд. ист. наук А. В. Иванову (Симферополь – Севастополь) и канд. ист. наук Д. В. Конкину (Симферополь – Бахчисарай) за консультации, касающиеся некоторых объектов, упомянутых в статье.

A TOUR OF EDWARD DANIEL CLARKE AND PETER SIMON PALLAS TO THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN SEPTEMBER 1800

Nikita I. Khrapunov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
khrapunovn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6141-9487>

Abstract. This work analyses a very specific source on the Crimean history at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries: British traveller Edward Daniel Clarke's account of his journey to the south-western extremity of the Peninsula to study archaeological sites dating to different historical periods. This episode was described in a chapter of Clarke's "Travels," which became extraordinary popular and to a great extent shaped the notion of the Crimea in the public mind of the West. Clarke contributed much to the development of some stereotypes of the Crimea and Russia that continued to these days, particularly accusing the Russians in voluntary and senseless destruction of archaeological monuments. In the said journey, Clarke found a companion and a guide in person of famous natural scientist Peter Simon Pallas. They spent a few days to examine the sites located atop of Mangup mountain, in the Gerakleiskii peninsula, Aia promontory and its environs, as well as the valley around the settlement of Chorgun (now Chernorech'е). Later on, when working on his book of travels, Clarke considerably overworked the materials kept in his travel journal, particularly, supplying an analysis of ancient and mediaeval sources and citing the latter in footnotes. Clarke's travelogue documented the condition of several archaeological sites, which later suffered of natural and human factors. The document under study uncovers the ways in which the researchers in the period in question analysed what was seen and, therefore, allows the one to reconstruct the first stage of the scientific research of the region. Apart from archaeological aspects, Clarke described some contemporary realities, such as the mining of fuller's earth, epidemics in the Crimea, Tatar nobility's dress, Russian recruits, and some specific local plants. The Russian translation of the chapter of Clarke's travelogue has been published for the first time.

Keywords: Edward Daniel Clarke, Peter Simon Pallas, travelogue, imagology, imagined geographies, Crimea, Russian Empire

Acknowledgement: This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119. I am sincerely grateful to CSc A. V. Ivanov (Simferopol – Sevastopol) and CSc D. V. Konkin (Simferopol – Bakhchisarai) for their consultations concerning some objects mentioned in this article.

Эдвард-Даньел Кларк (1769–1822) – один из тех, кто побывал в Крыму после его первого присоединения к России и опубликовал описание полуострова, тем самым оказав существенное влияние на формирование образа региона в общественной мысли Запада [см.: 38, с. 123–156, с библиографией]. Получив степень бакалавра в Кембриджском университете, он, не имея средств для академической карьеры, стал наемным гувернером (рис. 1). В обществе своего воспитанника Джона-Мартена Криппса (1780–1853) Кларк посетил Северную Европу, Россию, Балканы и Ближний Восток. В 1800 г. они побывали в Крыму. В университете Кларк занимался самыми разными вещами – древними языками и поэзией, химией, минералогией и ботаникой. В результате получился характерный для той эпохи «универсальный учёный». Путевые записки Кларка отражают это разнообразие интересов.

После возвращения на родину англичанин занялся подготовкой издания своих дневников, которые он существенно переработал, дополнив результатами изучения античных и средневековых источников, современной литературы, рисунками и пр. Оригинальные дневники не были настолько подробными, как хотелось бы автору, из-за ряда обстоятельств. Так, решение ехать на юг было принято путешественниками в Москве, когда отношения России и Англии обострились в очередной раз и, в отсутствие паспортов, англичане имели все основания полагать, что выехать через

ливонскую границу у них не получится. Потому и было решено ехать в Крым, рассчитывая получить там разрешение на отъезд в Турцию [43, р. 228]. Позднее Кларк писал своему другу Уильяму Оттеру (1768–1840): *«Без книг влачусь я, как сова на солнце, а без Плиния был бы и вовсе слеп. О, если бы здесь оказались даже немногие из тех записей, что лежат без всякого смысла в моем кабинете»* [36, с. 482]. Томик Плиния был случайно куплен в Таганроге, став для англичанина единственным путеводителем по Северному Причерноморью [36, с. 481].

Зато в опубликованном травелоге Кларк смог, воспользовавшись пространными подстрочными примечаниями и приложениями, процитировать древние источники и сочинения современников, прежде всего, своего товарища Реджинальда Хебера (1783–1826), ездившего по Крыму в 1806 г. В результате получилось сочинение, рассказавшее публике о физической географии, флоре и фауне, населении и городах, экономике и военном состоянии, истории и археологии дальних стран. Эта информативность, а также специфическая манера изложения, когда автор эмоционально рассказывал о собственных успехах и проблемах, открытиях и болезнях, не стесняясь высказывать свое отношение к наблюдаемым феноменам, вероятно, объясняют популярность сочинения Кларка, которое при жизни автора неоднократно переиздавалось и было переведено на французский и немецкий языки. Одновременно книга глубоко субъективна и наполнена нападками на Россию и русских, во многом объясняющимися личными причинами – нежеланием принимать нормы другого общества, нереализованными амбициями ученого и возмущением от запрета российских властей на скупку древностей.

Публикация травелога и продажа собранных за рубежом коллекций принесли Кларку желанную славу и деньги. Путешественник подарил родному университету вывезенную из Греции античную статую и в качестве ответного жеста получил степень доктора права. Позднее специально для него создали пост профессора минералогии.

В Крыму Кларк познакомился с прославленным немецким ученым Петером-Симоном Палласом (1741–1811) [см.: 29, с библиографией]. Немец по происхождению, Паллас поступил на русскую службу, стал членом Академии наук и в 1768–1774 гг. совершил ученое путешествие по Сибири. Впоследствии он жил и работал в Петербурге, пользуясь доверием Екатерины II и занимаясь такими разными вещами, как создание каталога растений России, инициированным императрицей проектом сравнительного анализа языков народов империи, а также воспитанием внуков Екатерины II – Александра и Константина Павловичей. В 1793–1794 гг. он совершил исследовательскую поездку на Юг империи, после чего Екатерина II подарила ему несколько поместий в Крыму и, сохранив за ним академическое жалование, предписала покинуть столицу (рис. 2). Паллас провел в Тавриде 15 лет (1795–1810), занимаясь различными экономическими и научными проектами, а также подготавливая издание материалов своего южного путешествия. Кларк, очевидно, со слов самого академика, писал, что императрица отправила его на юг, чтобы *«восстановить его здоровье и вознаградить за долгую службу»* [44, р. 163]. Есть и вполне правдоподоб-

ное предположение, что Паллас был, фактически, отправлен в ссылку, став жертвой придворных интриг [29, с. 193–196].

Как бы то ни было, Паллас явно тяготился отсутствием образованного общества. Он с большим радушием встречал приезжавших в Крым образованных путешественников, оказывал им различную помощь, снабжал информацией и дарил материалы своих собраний [подробнее: 37]. Кларк писал матери: *«Вы должно быть слышали о знаменитом профессоре Палласе, который по приказанию покойной императрицы проехал через всю Сибирь до самой Камчатки; одним из величайших scavans¹ Европы, которому принадлежит множество прекрасных публикаций. Это у него мы сейчас живем <...> но как мне описать всю его доброту? С нами обоими он нежен, как отец; всё, что находится в его доме, теперь принадлежит нам. Когда мы встретились, у меня не было сил от усталости, и я страдал трехдневной малярией. Г-н Паллас ухаживал за мною, выхаживал, а затем снабдил всякого рода подарками, книгами, рисунками, насекомыми, растениями, минералами и пр. Стоило проделать весь этот путь из Англии, чтобы иметь счастье поговорить с таким человеком, и это не считая превосходных качеств его сердца. Здесь мы живем в прекрасном, истинно английском доме; и если вам знакома радость чистой постели после того как многие месяцы, в пустынях и среди дикарей, вы не снимали одежды, то вы поймете счастье нашего отдыха»* [36, с. 486]. Кларк утверждал, что уговаривал Палласа переехать в Англию, где тот мог бы завершить свои ученые труды в комфортных условиях, но академик отказался по причине своего преклонного возраста, а также опасаясь, что тогда его имущество в России будет конфисковано [44, р. 163–164].

Не мудрено, что Паллас оказал сильнейшее интеллектуальное влияние на Кларка (и, вероятно, Криппса). Немецкий ученый не просто поведал англичанину о Крыме, его природе, населении и археологических памятниках, но подарил часть своих коллекций. В одном из писем Кларк хвалился тем, что *«В моем распоряжении весь гербарий профессора Палласа <...> Есть у меня и подарок от него сэру Джозефу Банксу»* [36, с. 493–494]. Знаменитый ботаник Джозеф Банкс (Бэнкс, 1743–1820), участник первого кругосветного путешествия капитана Джеймса Кука в 1768–1771 гг., был президентом Королевского общества – британской академии наук. Паллас переписывался с ним и делился дубликатами ценных растений из своего собрания. К несчастью, при посредстве Кларка уникальная ботаническая коллекция Палласа была утрачена для России: после возвращения на родину британец выгодно продал этот гербарий (вместе с предназначенным для Банкса?), который теперь рассеян по европейским и североамериканским музеям [29, с. 259–261]. Позднее, при подготовке издания своих записок, Кларк внес в них многочисленные отсылки к Палласову описанию Крыма, используя или немецкое издание 1801 г. [47], или появившийся в 1803 г. английский перевод [49].

Паллас сопровождал Кларка и Криппса в их второй поездке в юго-западный Крым, где путешественники планировали осмотреть археологические памятники

¹ Ученых (устар. франц.).

Гераклейского полуострова, а по дороге посетили Мангуп, деревню Чоргун, где находилась загадочная башня, и окрестности мыса Айя. Даты поездки можно определить, сопоставив слова Кларка с помещенной в приложении к его книге таблице измерения температуры в Крыму – началась она 7 и закончилась 10 сентября 1800 г., продлившись всего несколько дней [44, р. 274, 518]. Путешественникам удалось зафиксировать состояние ряда памятников античного, средневекового и нового времени, впоследствии пострадавших от антропогенных и природных факторов. Записки Кларка позволяют понять ход рассуждений, с помощью которых интеллектуалы конца XVIII – начала XIX в. интерпретировали увиденное, в частности, связывая его со свидетельствами древних писателей. Наконец, они проливают свет на интеллектуальное взаимодействие двух выдающихся личностей, которых относят к числу первых исследователей Крымского полуострова, и чьи труды оказали особое влияние на формирование образа Крыма в общественном сознании.

Информацию из травелога Кларка привлекали исследователи, занимавшиеся изучением отдельных археологических сооружений в окрестностях Херсонеса [7; 11], историей научных исследований в Херсонесе и на его сельской территории – хоре [18, с. 7; 24, с. 73–75, 228–229; 31, с. 56–57, 494, 503, 534–535], «пещерных городов» Крыма [23, с. 16; 41, с. 16;], научной биографией Палласа и его творческими контактами с Кларком [16, с. 196–198; 22, с. 27–28; 29, с. 256–258; 37, с. 139–141]. Учитывая то обстоятельство, что книга Кларка является библиографической редкостью, кажется вполне оправданным предложить вниманию читателей перевод соответствующей ее главы, снабженной необходимыми комментариями. Следует отметить, что другие фрагменты из записок Кларка уже переводились на русский язык. Это глава, рассказывающая о памятниках Керчи, изданная в двойном (и, заметим, не самом удачном) переводе с французского [13], а также глава, повествующая о Бахчисарае и окрестностях [39]. Издан и перевод писем Кларка, отправленных им из Крыма [36].

Как уже говорилось, травелог Кларка выдержал несколько изданий. Пользуясь случаем, автор вносил в текст незначительные изменения, не меняющие общего смысла, но уточняющие или расцвечивающие соответствующие фрагменты. Менялась и нумерация глав. Перевод выполнен по четвертому изданию травеллога – последнему, куда вносилась авторская правка [44]. Переводчик старался следовать принципу, сформулированным А. Л. Бертье-Делагардом и С. Л. Белявской, авторами русского издания крымского сочинения Палласа, согласно которому точность важнее литературности, и необходимо буквально следовать авторской мысли не взирая на возможные шероховатости в русском тексте [19, с. 17–18]. В четвертом издании названия подразделов главы вынесены на поля. В переводе они помещены в основной блок текста, перед началом соответствующих его частей.

Кларк широко использовал подстрочные примечания, помещая в них, например, цитаты из источников. Помимо таких, особо отмеченных случаев, переводчик поместил в примечаниях по возможности краткие пояснения, касающиеся

описанных путешественником крымских реалий, или цитат из использованных им источников. За исключением особо оговоренных случаев, примечания переводчика основаны на энциклопедических справочных изданиях по археологии Крыма [8], античной истории [51], исторической географии и топонимике Северного Причерноморья [2; 12; 30]. Страницы оригинального издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. В квадратных скобках [] – дополнения переводчика. Кларк записывал имена и названия зачастую со слуха, иногда выбирал из книг, зачастую придавая им необычные формы. Идентифицировать их в большинстве случаев не так уж трудно. Латинские формы приводятся в квадратных скобках [] после первого их появления.

Д-р права Э.-Д. Кларк

Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки
Часть первая. Россия, Татария и Турция
Четвертое издание. Том второй
<р. 273>

Гл[ава] VII

Вторая экскурсия на малый полуостров гераклейцев

Профессор Паллас сопровождает автора – Мангуп – Развалины крепости – Мыс ветров – Шулю – Ямы с сукновальной глиной – Обработка кеф-кила – Стена на перешейке – Айя-бурун – Монеты Владимира <р. 274> – Алексанов хутор – Мыс и бухта Фанари – Развалины древнего Херсонеса по Страбону – Чоргунская долина – Опасный климат – Татарская знать – Русский рекрут – *Salvia Hablitziana* – Возвращение в Акмечеть

Профессор Паллас сопровождает автора

Поскольку мы не смогли отыскать местоположение самого древнего из двух городов херсонеситов, о котором Страбон писал, что тот лежит в развалинах², на Гераклейском полуострове [*Heracleotic Peninsula*]³, и поскольку профессор Паллас

² Древнегреческий город Херсонес (в византийское время – Херсон) существовал в VI/V в. до н.э. – XIV/XV в. н.э. на юго-западной оконечности Крымского полуострова. Сегодня его развалины окружены городской застройкой Севастополя. Античный географ Страбон (ок. 64 г. до н.э. – после 21 г. н.э.) утверждал, что поблизости от Херсонеса находится «*Древний Херсонес, лежащий в развалинах*» (Strabo *Geogr.* 7.4.2) [27, с. 282]. По-видимому, он (или его информатор) предполагал, что жители Херсонеса однажды перенесли город со старого на новое место. Причины появления этой легенды не вполне ясны. Кларк и Крипис самостоятельно посетили Севастополь и окрестные археологические памятники в начале августа 1800 г. – об этой поездке рассказывается в одной из предшествующих глав [44, р. 198–230].

³ Гераклейский полуостров занимает юго-западную оконечность Крыма, расположенную западнее условной линии Балаклава – Инкерман. Его название образовано от имени Гераклея Понтийской – античного города на южном берегу Черного моря, на территории совр. г. Эрегли (Турция), выходящей

утверждал, что он должен был находиться на или рядом с участком земли, образующим самую западную территорию Крыма, которая сейчас называется мысом Фанари [*Point Phanari*]⁴, мы решили предпринять вторую экскурсию и пересечь Малый полуостров [*Minor Peninsula*]⁵ по всем направлениям. Сам профессор решил сопровождать нас; соответственно, мы покинули Акмечеть [*Akmetchet*]⁶ в его собственном легком, открытом экипаже в субботу седьмого сентября. Проезжая через глубокий овраг, мы собрали несколько экземпляров *Salvia Hablitziana* и *Centaurea myriosephala*⁷: последнее [растение] – любимая пища крымских овец – как полагают, придает красивый серый цвет <р. 275> шерсти ягнят, которую так высоко ценят и в Турции, и в Татарии [*Tahtary*]⁸ как украшение колпака [*calpack*], то есть шапки, которую знатные татары носят вместо тюрбана. Профессор научил нас искать редчайшие растения в глубоких песках, в соленых болотах и на меловых холмах. Мы целенаправленно уклонились от второго посещения города Бахчисарая, чтобы не отвлекаться на церемониальные визиты, и переменили лошадей в Каче⁹. Вскоре

из которого основали Херсонес в Таврике. По-видимому, создателем топонима «Гераклейский полуостров» был Паллас, не совсем разобравшийся в тексте Страбона [37, с. 129], а Кларк воспринял его от своего коллеги и наставника.

⁴ Ныне это мыс Херсонес – крайняя юго-западная оконечность Крымского полуострова. Греческое название Фанари (засвидетельствована также тюркская форма Фенер) означает «маяк» и фиксируется в источниках начиная с эпохи Средневековья [11, с. 45].

⁵ Кларк имел в виду совр. Гераклейский полуостров. Греческое слово *χερσόνησος* (*χερρόνησος*) означает «полуостров». Страбон использовал его в одном отрыве в составе трех топонимов – для обозначения «большого полуострова» или «Большого Херсонеса» (Крым), «малого полуострова» или «Малого Херсонеса» (Гераклейский полуостров), а также «города Херсонеса» (Strabo *Geogr.* 7.4.2) [27, с. 282].

⁶ «Акмечеть, или “белая мечеть”, ныне Симферополь, хоть и является губернаторской резиденцией, – жалкое и разрушенное место; раньше он был больших размеров, что следует из трёх мечетей, которые стоят на значительном расстоянии друг от друга. Здесь хороший вид на гору Чатырдаг». *Рукописный журнал Хебера* (прим. авт.)

Реджинальд Хебер (1783–1826) – британский религиозный деятель и поэт, посетил Крым в 1806 г. [о нем: 38, с. 157–180]. Кларк был его университетским знакомым. По просьбе Кларка Хебер передал ему свои рукописные дневники, которые тот широко цитировал в примечаниях к своей книге. Дневники Хебера были изданы уже после смерти автора, а их «крымская» глава переведена на русский язык [данный фрагмент: 50, р. 260; 33, с. 680].

⁷ Шалфей саблизолистный и василек крупноголовый (последнее не точно – правильно было бы *Centaurea macrocephala*, так как *myriosephalos* – это «многоголовый»). Кларк, очевидно, привел названия таксонов по Палласу, классификация которого во многом устарела [29, с. 239–249; см. также: 36, с. 495].

⁸ В Западной Европе «Та(р)тарией» традиционно называли колоссальную территорию, протянувшуюся от Крыма до Тихого океана и от Индии до Арктики. В это название, а также в имя татар добавляли лишнюю букву «р», чтобы подчеркнуть их связь с преисподней – Тартаром. К концу XVIII в. это сопоставление казалось уже не вполне уместным, но привычка произносить долгое *a* в первом слоге осталось. Видимо, поэтому Кларк заменил лишнюю *r* на *h*, получив в сочетании с предшествующей буквой *a* долгий звук [a:] в словах *Tahtars* и *Tahtary* [38, с. 6, 143].

⁹ Селение Кача, ныне исчезнувшее, находилось в неустановленном месте в нижнем течении реки Кача, на ее правом берегу, между селениями Эфендикой (ныне Айвовое) и Актачи (ныне Фурмановка), на территории совр. Бахчисарайского района Республики Крым. К нынешнему поселку городского типа

после отъезда из этого места мы повернули в сторону южной цепи гор и миновали Каралес [*Kara Ilaes*]¹⁰, прекраснейшее селение в Крыму, расположенное в красивом месте у входа в романтическое ущелье, ведущее к Шулю [*Shülü*]¹¹. По правой руке вскоре после въезда в это ущелье, на вершинах образующих его южную сторону высоких гор видны остатки древней крепости Черкес-кермен [*Tcherkesskerman*], которой некогда владели гегуэзцы, а в более отдаленное время черкесы [*Tcherkess*] или, как мы пишем, черкасы [*Circassians*]¹². Когда первые сделались властителями всех крымских укреплений, они построили крепости на самых обрывистых и недоступных местах, в самых диких уголках полуострова¹³. Черкес-кермен – одна из построенных таким образом цитаделей; разрозненные развалины ее укреплений до сих пор покрывают упомянутые <р. 276> вершины. Их остатки менее примечательны, чем те, что сохранились на Мангупе [*Mankoop*] на другой стороне этого ущелья¹⁴; по этой причине мы предпочли нанести визит последнему; потому, повернув к селению по левой руке, мы получили прекрасных татарских лошадей и проводников для этого предприятия.

Мангуп

Мангупская цитадель – очень, невероятно величественна; поистине, ее можно назвать «лежащей в облаках». Она занимает вершину полукруглой отдельно стоящей горы, которая, благодаря своему устрашающему виду, своей высоте и своим скалистыми перпендикулярным склонам, независимо ни от чего другого, кроме удивительной работы природы наполняет разум удивлением, стоит только въехать в ущелье. В этом необычном месте, где не было заметно никакого способа взобраться на одну из этих высот, и еще меньше – доставить материалы для предпринятых ими

Кача в Нахимовском районе г. Севастополя отношения не имеет.

¹⁰ Общее название двух близлежащих сел – Бююк-Каралес, ныне Красный Мак, и Юкары-Каралес, ныне Залесное; оба входят в Красномакское сельское поселение Бахчисарайского района Республики Крым.

¹¹ Ныне село Терновка Балаклавского района г. Севастополя.

¹² Черкес-кермен («черкесская крепость») – крымско-татарское название византийской крепости, известной также как Эски-Кермен (VI–XIII вв.) и расположенной на вершине одноименной горы в 18 км к юго-западу по прямой линии от Бахчисарая или в 4 км к западу от с. Залесное Бахчисарайского района Республики Крым. «Черкес-керменом» называли также ныне не существующее селение (в Советское время – с. Крепкое) у подножия горы.

¹³ Представление о том, что «пещерные города» Крыма и даже Херсонес были построены выходцами из средневековой итальянской Генуи было распространено среди крымских татар, и от них заимствовано европейскими путешественниками. По-видимому, в его основе – память о грозных противниках-гегуэзцах, окончательно победить которых удалось лишь османам в конце XV в. Западные путешественники могли поверить этим легендам, поскольку облик оборонительных сооружений Мангупа и других крымских крепостей напоминал им достижения западной фортификационной мысли [35, с. 418–421].

¹⁴ Мангуп или Мангуп-кале – крупнейший «пещерный город» юго-западного Крыма, находится на вершине одноименной горы близ села Ходжа-Сала Бахчисарайского района Республики Крым. Первые жители появились здесь, вероятно, в III–IV вв., а во второй половине VI в. под руководством византийских инженеров построили крепость, служившую ставкой местного правителя и убежищем для окрестных жителей. В 1475 г. она была захвачена османами.

умопомрачительных работ, греки¹⁵ соорудили цитадель¹⁶, не имеющую аналогов в Европе – результат их богатства, целеустремленности и предприимчивости. История <р. 277> ничего не говорит о том, ради чего пришлось вести подобные работы в глубине этой страны, на таком расстоянии от берега моря, но естественно будет предположить, что они предназначались для обуздания враждебного духа местных жителей, направленного против владений приморских колонистов. Следующими владыками Мангупа были генуэзцы; впоследствии он принадлежал колонии евреев [Jews]¹⁷. Разрушенные мраморные и каменные гробницы лежали на кладбище еврейской колонии, под сенью деревьев, мимо которых мы поднимались [на вершину]. Прделанный нами путь на гору был крут и сложен; он не сделался удобнее благодаря замечательным трудам своих первоначальных владельцев, чьи разрушенные сооружения сегодня скорее затрудняли, чем помогали движению. Некогда этот подъем был полностью вымошен, и здесь были сделаны ступени, подобные находящимся на Мердвене [Merdveen]¹⁸, которые описаны в предыдущей главе; эти [ступени] еще сохранились в некоторых местах.

¹⁵ Т. е. византийцы.

¹⁶ Некоторые любопытные материалы об этой примечательной цитадели (Мангупа) имеются у Броневского, который описывает ее как «*Arx et civitas quondam antiquissima*». Он также говорит: «*Mancoria civitas ad montes et sylvas magis porrecta, et mari non jam propinqua est; arces duas in altissimo saxo et peramplo conditas, templa Græca sumptuosa et ædes, &c. habuit... Ac in eo monte saxoso, in quo sita est, in saxo miru admodum opere domus excisas habet, quæ etsi ille locus nunc sylvosus est, integræ tamen plurimæ reperiuntur. Phantum marmoreis et serpentinis columnis ornatum humi jam prostratum et corruptum, insignem et clarum quondam eum locum extitisse testatur*». *Descrip. Tartar.*, pp. 262, 264 (*прим. авт.*).

Мартин Броневский (ум. ок. 1593) – польский дипломат и государственный деятель, побывавший в Крыму в 1578 и 1579 гг. и рассказавший о своих впечатлениях в книге «Описание Татари». В русском переводе цитированные Кларком фрагменты звучат следующим образом: «*древний город и крепость*» ... «*Город Манкоп лежит между горами и лесами, далеко от моря. Здесь были два замка, построенные на обширной и высокой скале, великолепные греческие церкви, дома, и пр. ... На каменной горе, на которой расположен город, с удивительным искусством высечены в скале дома, которых следы еще явно видны несмотря на то, что место это совершенно поросло лесом. Храм, украшенный мраморными и серпентиновыми колоннами, уже разрушился, но обломки его свидетельствуют о прежней славе и роскоши города*» [17, с. 343–344].

¹⁷ Кларк имел в виду караимов, которые действительно жили на Мангупе, но, как и многие его современники, не понимал (или не считал существенным) их отличия от евреев.

¹⁸ Шайтан-Мердвен (*турк.* «Чертова лестница») – горный перевал, соединяющий южный берег Крыма с вершиной Ай-Петринской яйлы, откуда шли дороги в Байдарскую долину. Подъем с южного берега шел по узкой тропе, которую местами пытались улучшить, – там сохранились остатки искусственных вымосток и подпорных стен. До завершения строительства шоссе Ялта – Севастополь через перевал Байдарские ворота в 1848 г. Шайтан-Мердвен был важнейшей транспортной артерией, обеспечивающей связь Южного берега с основной частью Крымского полуострова. Правда, передвигаться там можно было лишь верхом или пешком, но не в экипаже. Кларк рассказал об этом перевале следующее: «*Голые скалы поднимались перпендикулярно вверх <...> Между их каменистыми вершинами нас привели к Мердвену, название которого на татарском языке означает “лестница”; ее ступени были высечены в естественной скале в давние годы. Здесь мы спешились и предоставили своих коней самим себе, начав утомительный и трудный спуск*» [44, р. 341].

Развалины крепости

Когда мы достигли вершины, оказалось, что всю её занимают развалины цитадели. <р. 278> Со всех сторон открывались тёмные устья пещер и мрачных проходов, высеченных в цельной скале, первоначальное назначение которых сегодня неизвестно. На самом высоком месте этого необычайного возвышенности находится красивая равнина, покрытая тонким слоем дерна; здесь мы отыскивали очень красиво цветущую Палласову *Rosa Pygmaea*¹⁹. Эта равнина, частично обнесенная разрушающейся крепостной стеной, а в других местах открытая окружающим ее обрывам, казалось такой же высокой, как вершины скал на побережье Суссекса, близ Бичи-Хеда²⁰. С этого места можно рассмотреть все остальные горы, долины, холмы, леса и селения [Крыма]. Пока, опасаясь и осторожничая, мы ползли на коленях и руках, чтобы заглянуть за край обрыва на этой ужасной высоте, полураздетый татарин, дикий, как ветры севера, сел на столь же необъезженного жеребенка, без всякого седла и узды, если не считать скрученной лозы дикого винограда, подскочил к самому краю обрыва и там, пока его конь гарцевал на границе вечности, развлекался тем, что указывал нам разные места на открывшемся глазам огромном пространстве. Мы вошли в одну из высеченных [в скале] комнат – небольшое квадратное жилище, ведущее в другое, по правую руку от нас. Узкий проход слева привел нас к открытому <р. 279> балкону, созданному в скале на самом фасаде одного из главных обрывов, откуда осматривать лежащую ниже бездну можно было с меньшей опасностью. Далеко внизу над долинами парили грифы, казавшиеся не больше ласточек. Под ними открывались вершины волнообразных холмов, покрытых островками леса, с селениями посреди скал и ущелий, но на глубине столь пугающей, что при взгляде на них у нас кровь стыла в жилах. Затем мы отыскивали среди руин остатки церквей и других общественных зданий, которые сохранились гораздо лучше, чем можно было бы ожидать в Российской империи; причина этого – труднодоступность здешних [мест]²¹.

Мыс ветров

Наконец, пройдя к северо-восточной оконечности полумесяца (это естественная форма вершины, на которой соорудили цитадель Мангупа) и спустившись по нескольким аккуратно высеченным в скале ступеням, мы вошли через квадратную дверь в пещеру, которую татары называют «Мысом ветров». Подобно всем остальным, она высечена в цельном камне, но открыта на все четыре стороны. Судя по открывающейся здесь замечательной перспективе окружающей страны, эта пеще-

¹⁹ Шиповник карликовый. См. также прим. 7.

²⁰ Бичи-Хед – мыс на южном побережье Англии, образованный меловыми породами, высотой до 162 м. Для сравнения, склоны Мангупа возвышаются над окружающими долинами приблизительно на 150 м. Суссекс или Восточный Суссекс – исторический регион и графство на юге Англии.

²¹ Кларк создал миф о том, что русские целенаправленно и без всякого смысла уничтожали памятники культурного наследия, который впоследствии утвердился в общественном сознании Запада [подробнее см.: 38, с. 145–151]. Поездка на Мангуп, очевидно, стала очередным поводом обратиться к этой теме.

ра, вероятно, служила военным наблюдательным пунктом. Проемы или окна – это большие арочные расселины в скале; сквозь них [открывается] широчайший <р. 280> вид на окрестные горы и катящиеся облака, представляющий собой потрясающее зрелище. Ни в одной части Европы нет ничего, что могло бы превзойти грандиозное величие этого пейзажа. Под этой пещерой находится другая комната, ведущая в новые кельи по нескольким ее сторонам; все они высечены в той же цельной скале²².

Спускаясь из этого места, мы следовали по другой дороге, проехав под старым арочным проездом цитадели, некогда главным в нее входом²³. Эта дорога идет вокруг северной стороны горы, а обрыв над долиной настолько обрывист и глубок, что, кажется, один-единственный неверный шаг низвергнет [в пропасть] и коня, и седока. Спешившись, можно избежать опасности, а страх спуска компенсируется перспективой, самой прекрасной из тех, что когда-либо открывалась перед глазами. Стемнело еще до того, как мы достигли низа. У нас возникли некоторые трудности с поиском главной дороги, ведущей через ущелье – главным образом из-за деревьев, нависающими над всеми [без исключения] тропами близ татарских селений и так сильно мешающими проезду всадников, что <р. 281> нам постоянно угрожала опасность быть сброшенными [с коней]. Один из нашей группы едва не лишился глаза от удара о сук, совершенно загородивший тропу, по которой мы ехали. Само же ущелье в определенное время года не лишено опасности. Огромные массы известняка срываются со скал наверху, снося все на своем пути; некоторые, [упавшие] с северного обрыва, пересекали текущую внизу реку и, благодаря накопленной при спуске огромной скорости, прокатились вверх, примерно до половины противоположного склона.

Шулю

Некоторые из этих обломков мы видели по пути в Шулю, где провели ночь. Это селение, принадлежащее профессору Палласу, представляет собой лес из грецких орехов, под [пологом] которого скрываются жилые дома. Одно из этих деревьев приносит ему, как он сообщил нам на месте, шестьдесят тысяч орехов за сезон. Обычная цена на этот плод везде в Крыму – от восьмидесяти до ста копеек за тысячу штук. Профессор выстроил для себя в Шулю самую величественную резиденцию, но, когда мы [туда] приехали, завершение работ было отложено из-за конфликтов с татарами, касавшихся размеров этого небольшого участка земли. Здание эта находится на северной стороне ущелья, откуда открывается хороший вид на долину, но поскольку почвы на окрестных холмах имеют меловую природу,

²² Кларк зарисовал этот объект, и с рисунка была снята гравюра, помещенная в некоторые издания его книги (рис. 3).

²³ Будущим путешественникам, собравшимся посетить Мангуп, можно посоветовать эту дорогу для подъема, поскольку там им откроются, вероятно, самые величественные виды из тех, которые они когда-либо наблюдали. Татары, по причине, которую невозможно объяснить, называют ее «Дорогой для повозок», хотя мы, когда ехали вниз, не могли усидеть даже на лошадях (*прим. авт.*).

все вокруг <р. 282> сверкает белым, причиняя боль глазам и полностью разрушая живописность пейзажей. Вблизи этого холма, на одной из возвышенностей против профессорского дома, находится несколько искусственных углублений, напоминающих инкерманские [Inkerman]²⁴ [и] демонстрирующих древние убежища христиан в кельях и гротах. Один из этих пещерных залов имеет не менее восьмидесяти шагов в длину и соответствующую ширину, а его крышу поддерживают высеченные в скале столбы²⁵; из-за своей природной мягкости этот камень не требует столько труда [при обработке], как у похожих сооружений, расположенных в других районах Крыма.

Ямы с сукновальной глиной

Из Шулю мы снова отправились в Балаклаву. По дороге мы миновали несколько ям, в которых татары добывают род сукновальной глины, которую называют «кеф-кил» [Keff-kil]²⁶, или «минеральная пена», а немцы – *meerschaum*²⁷. До завоевания Крыма это вещество было важным предметом торговли с Константинополем²⁸, где его использовали в общественных банях для мытья женских волос. Его часто продают немецким купцам для изготовления прекрасных [283] курительных трубок, которые французы называют *écume de mer*²⁹ и которые продают за безумные деньги даже в нашей собственной стране, после того, как от в результате длительного использования они окрасятся табачным маслом.

²⁴ Средневековая крепость Инкерман (Каламита) VI–XVII вв. находится на территории одноименного города в составе Балаклавского района Севастополя, на правом берегу р. Черная близ места ее впадения в Севастопольскую бухту. В склонах утеса, на вершине которого расположен памятник, и в окрестных скалах расположены многочисленные искусственные пещеры, главным образом – остатки средневековых монастырей. Их датировка представляет собой самостоятельную проблему, но ясно, что, несмотря на церковное предание, они вряд ли древнее XIV–XV вв.

²⁵ Поблизости от с. Шулю (Терновка) находятся два пещерных монастырских комплекса византийского времени – Шулдан и Чилтер-мармара. Судя по упоминанию большого зала, Кларк имел в виду второй, нижний ярус которого состоит из обширной естественной пещеры, стены которой подверглись обработке [7, с. 77].

²⁶ Буквально – «пенная земля»; нередко ошибочно думают, что это название происходит от города Каффы [Caffa], откуда этот минерал отправляли в Турцию. См. наблюдения в главе 4 этого тома, с. 153 (прим. авт.). В соответствующем отрывке у Кларка сказано следующее: «Завершая рассказ об этом месте (городе Каффа-Феодосия. – Н. Х.), следует отметить распространенную ошибку, которую допустил и сам Паллас в описании Крыма (см. Путешествие, том 2, с. 97), а именно, что вид сукновальной глины, добываемой в разных местах на [Крымском] полуострове, а также в Анатолии, и называющийся кеф-кил [Keff-kil], получил это имя от Каффы, и что оно обозначает “каффская земля”. Его истинную этимологию можно продемонстрировать ссылкой на “Восточный словарь” Менинского – оно происходит от двух турецких слов, обозначающих земляное мыло, или пену» [44, р. 152–153]. Справедливости ради, и в немецком оригинале [47, S. 97], и в английском переводе Палласа [48, р. 97] действительно стоит *Keffe-Kil*, что намекает на связь с Каффой, хотя немецкий ученый прямо этого не утверждал [ср.: 19, с. 55]. Упомянутый Кларком Франциск Меньен (позднее Менинский, 1623–1698) – французский филолог, дипломат, преподаватель, автор многотомного турецко-латинского словаря.²⁷ *Meerschaum* – морская пена (нем.).

²⁸ Название османской столицы до 1930 г.

²⁹ Морская пена (франц.).

Обработка кеф-кила

Способ, с помощью которого одну из этих трубок доводят до совершенства, включая все сопутствующие обстоятельства, действительно интересен. Поскольку торговля между Крымом и Турцией прервалась, требуемую для их изготовления глину копают близ Эскишехира [*Eski Shekhr*] в Анатолии [*Anatolia*]³⁰. Первая грубая форма придается трубкам в том же месте, где найден минерал; здесь их оттискивают в форме и раскладывают на солнце для просушки; после этого – обжигают в печи, варят в молоке и натирают мягкой кожей. В этом виде их отправляют в Константинополь, где имеется специальный базар [*bazar*], а точнее хан [*khan*]³¹, в котором их выставляют на продажу; затем их покупают купцы и везут караванами в [город] Пешт [*Pest*]³² в Венгрии. Тогда форма трубки еще большая и грубая. В Пеште начинается производство, которое должно подготовить их для немецких рынков. Здесь их в течение суток вымачивают в воде и затем обрабатывают на токарном станке. В ходе этого процесса <р. 284> многие из них, оказавшиеся пористыми, выбрасывают. Иногда лишь две или три [трубки] из [целого] десятка находят подходящими для дальнейшей обработки. Из Пешта их переправляют в Вену, и часто отправляют в серебро. После того их везут на ярмарки в Лейпциге [*Leipsic*], Франкфурте [*Frankfort*], Мангейме [*Manheim*] и других городах на Рейне, где продают в лучшем случае [по цене] от трех до пяти, а иногда даже семи фунтов стерлингов за каждую. Когда в результате долгого курения табачное масло придаст этим трубкам изысканный оттенок желто-фарфорового или, что еще более ценится, темно-черепахового цвета, их, как известно, продают [по цене] от сорока до пятидесяти фунтов [стерлингов за штуку] на наши деньги. Способ добычи кеф-кила в Крыму таков: в земле выкапывают шахту и продолжают в ней работать, пока стены не начинают рушиться – это случается чаще из-за характера почвы; – и тогда копают новую яму. Обычно кеф-кил перекрыт слоем рухляка, который иногда приходится прокапывать на глубину от восьми до двенадцати морских сажень³³. Слой кеф-кила редко бывает более двадцати восьми дюймов³⁴ толщиной, после чего под ним, как и прежде, идет рухляк. В настоящее время годовой объем экспорта этого минерала со всего [Крымского] полуострова не превышает две тонны³⁵; его потребление в самом Кры-

³⁰ Ее продажа дает средства для обители дервишей [*Dervishes*]. Она состоит из кремния, воды, магнезии и оксида углерода (*прим. авт.*).

Эскишехир – город в Малой Азии, на территории современной Турции, в 350 км к юго-востоку от Стамбула. Анатолия – древнегреческое название Малой Азии.

³¹ Это место называется Унун Чарчи [*Ouzoun Tachrchy*] [и находится] в Филджианджи-хане [*Fildjiandji Khan*] (*прим. авт.*).

Хан или караван-сарай – в мусульманских странах постоялый двор для торговцев и путешественников, со стойлами для животных, внутренним двором, складскими помещениями и местами для торговли.

³² Пешт – город в Венгрии, на правом берегу Дуная. В 1873 г. в результате объединения городов Буда, Обуда и Пешт возник город Будапешт.

³³ Морская сажень равна 1,852 м.

³⁴ Английский дюйм равен 2,51 см.

³⁵ Английская тонна равна 1016 кг.

му невелико, хотя он продается на всех рынках по низкой цене в двадцать *копеек* [*сореек*] за пуд [*пуд*]³⁶. <р. 285>

Стена на перешейке

На расстоянии около двух миль от Балаклавы, куда ехали к этому месту, мы обнаружили следы древней стены, тянувшейся от гор к востоку от [Балаклавской] бухты на запад и, таким образом, прикрывавшей подступы к Балаклаве со стороны суши. Поскольку эта стена дает ключ к отысканию другой, упомянутой Страбоном, которая тянулась через перешеек от Ктенунта [*Ctenous*] до Порта Символов [*Portus Symbolorum*]³⁷, мы решили проследить ее и двинулись верхом, ориентируясь по ее остаткам; профессор Паллас же предпочёл идти пешком, с морским компасом в руке, чтобы точнее следовать [за нею]. Вскоре мы обнаружили точно такое же сооружение, которое так хотели отыскать: оно поможет пролить свет на топографию Малого полуострова. Оно примыкает к стене Порта Символов под прямым углом и оттуда тянется к Инкерману, где соединяется с Ктенунтом. Мы проследили весь ее путь. Расстояние между двумя портами исчислено весьма неточно – оно преувеличено на всех наших картах. Оно точно соответствует сведениям Страбона о сорока стадиях, или пяти милях, от моря до моря³⁸. Все, что еще осталось от этой стены, это насыпь или холм; на нем еще видны следы и остатки башен. Камни, из которых она сложена, по больше части разобрали местные жители или для строительства <р. 286> оград для пастухов, или для сооружения татарских жилищ. Сохранившихся участков достаточно для доказательства искусственной природы этого сооружения, ведь камни являются не свойственными для почвы, но чужеродными материалами, очевидно, привезенными для укрепления вала³⁹.

Айя-бурун

Установив реальность и местоположение этой стены, мы решили не тратить времени на дальнейшее исследование здешней территории, но поднялись на крутые горы у морского берега к западу, чтобы посетить колоссальный мыс, который татары называют Айя-бурун [*Aia Bvrvn*], или «Святой мыс», лежащий между Бала-

³⁶ Русский пуд равен 16,38 кг.

³⁷ Кларк имел в виду следующие фрагменты Страбона: «*Эта гавань называется Символон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий*» (Strabo Geogr. 7.4.2) [27, с. 282]. Однажды «*скифы напали на стену, построенную через перешеек у Ктенунта...*» (Strabo Geogr. 7.4.7) [27, с. 285]. По современным представлениям, Символон Лимен (*греч.* Порт символов или Гавань символов) – это Балаклавская, а гавань Ктенунт – Севастопольская бухта [27, с. 816, прим 9–10]. Используя эти данные, Паллас сделал вывод, что выстроенная греками, жившими в Херсонесе, стена тянулась от Инкермана до Балаклавы, и даже отыскал какие-то развалины, которые интерпретировал как «очень слабые» остатки этой «стены и нескольких башен» [19, с. 42]. Очевидно, Кларк доверился его мнению.

³⁸ Стадий – античная мера длины, равнялась ок. 200 м. 1 морская миля равна 1852 м, 1 сухопутная миля – 1609 м.

³⁹ Вопреки мнению Кларка и Палласа [19, с. 42], современные археологи не считают доказанным существование этой циклопической стены. По-видимому, путешественники слишком хотели отыскать «Страбонovu стену» и слишком доверились своей фантазии, осматривая какие-то невразумительные остатки [7, с. 99–111].

клавой и Монастырем св. Георгия [*Monastery of St. George*]⁴⁰. Страбонов Парфений [*Parthenium*]⁴¹ находился на Гераклеийском полуострове [*Heracleotic Chersonesus*], как недвусмысленно показывает подлинный текст этого автора, и, если там было место, удачно расположенное для проведения ужасных ритуалов, которые, как говорят, совершали в честь Таврической Дианы⁴², а также если согласовать его местоположение с расстоянием до Парфения от города Херсонеса, то это Айя-бурун; к тому же есть нечто в его нынешнем названии, соответствующее древней святости мыса Парфений⁴³. Впоследствии Паллас, кажется, признал их тождество⁴⁴; но во время нашей поездки в эту местность он не выработал еще <р. 287> мнения по этому поводу⁴⁵. При определении положения объектов в варварских странах, когда мы можем ориентироваться исключительно на текст греческого или римского историка, всегда возникает некая неточность; но, когда сами варвары своей простой и грубой традицией подтверждают наблюдения античного писателя и фиксируют неявный факт, остается мало причин, чтобы [в нем] сомневаться. Исходя из этого, Айя-бурун, вероятно, имеет столько же оснований считаться Страбоновым Парфением⁴⁶, сколько Балаклавская бухта – Портом Символов. В тоже время,

⁴⁰ Монастырь св. Георгия расположен на морском берегу в 7 км к западу от Балаклавы. Первые сведения о нем относятся к XVI в. Этот объект традиционно привлекал путешественников благодаря своему красивому расположению и традиции, относившей основание монастыря к незапамятным временам [см.: 6].

⁴¹ Имеются в виду следующие слова древнего географа: «*В городе (Херсонесе. – Н. Х.) есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей*» (Strabo Geogr. 7.4.2) [27, с. 282].

⁴² Согласно древнегреческим мифам, дочь царя Агамемнона, предводителя ахейцев в троянской войне, по имени Ифигения одно время служила жрицей в храме Артемиды (Дианы) в стране тавров на южном берегу Крыма. По современным представлениям, в реальности подобного храма не существовало, но среди интеллектуалов конца XVIII–XIX вв. этот сюжет был очень популярен. Храм они искали, как правило, в районе м. Фиолент и Георгиевского монастыря [38, с. 83–86].

⁴³ Айя (тюрк.) – «святий».

⁴⁴ См. Путешествия Палласа, том 2, с. 63 (прим. авт.).

Кларк имеет в виду следующий фрагмент из записок немецкого ученого: «*Еще сохраняющееся название Священного мыса, подле которого находится эта постройка (оборонительное сооружение у м. Айя. – Н. Х.), и ее расстояние от стен Херсонеса дают повод предположить, что здесь был Fanum daemonis virginis, а Айя-Бурун – это Promontorium Parthenium, упоминаемый Страбоном и помещаемый некоторыми на обрыве скал западнее Георгиевского монастыря*» [19, с. 43; ср.: 47, S. 62–63; 48, р. 63].

⁴⁵ Второй («крымский») том немецкого издания записок Палласа о путешествиях по Югу России вышел в 1801 г., то есть через год после путешествия Кларка [47].

⁴⁶ Решение этой задачи остается будущим путешественникам, которые смогут взять на себя труд измерить точное расстояние от развалин до города Херсонеса. Здесь уже говорилось, правда предположительно, что оно согласуется с данными Страбона, который считал его равным ста стадиям, то есть двенадцати с половиной милям. Если расстояние до Айя-буруна окажется больше, то в следующий раз они смогут уделить надлежащее внимание той части берега, которая описана на с. 215 этого тома, где имеется природная арка (прим. авт.).

На указанной странице Кларк также пытался разобраться с указаниями Страбона и определить место античного храма. В тот раз он описывал местность близ Георгиевского монастыря на м. Фиолент: «*По мере того, как берег уклоняется к югу, от утес[ов] в море, в сторону запада, выступает весьма*

нужно признать, что похожий эпитет встречается в названии Аюдаг [*Ai'vdagh*], данном мысу, упомянутому в предыдущей главе⁴⁷, также вероятно в связи с какими-то обстоятельствами, связанными с древним культом, о котором упоминал Страбон, ведь слово Партенит сохранилось до сих пор в названии близлежащей деревни⁴⁸. Поэтому очевидно, что разные мысы в Тавриде [*Tauride*]⁴⁹, в древности носившие название Парфений, неизбежно заводят в тупик исследование <р. 288>, направленное на выяснение точного местоположения одного из них. На языке тавров [*Tauri*], которые были первыми почитателями Дианы в этой стране, их богиню звали Орсилохой [*Orsilochē*]⁵⁰; пожалуй, смысл ее древнейшего имени можно отыскать в Кавказских горах, откуда и пришли тавры. В области Кавказа Паллас обнаружил толкование названия *Ардава* [*Ardauda*], которое на таврском диалекте было именем [города] Феодосии; он открыл, что оно обозначало семикратное божество [*Seven-fold Divinity*], что соответствует ΕΠΤΑΘΕΟΣ⁵¹ в анонимном перипле Эвксинского [моря]⁵².

примечательная черная скала, прорезанная высокой естественной аркой, через которую могут проходить лодки. Необыкновенный вид этой сцены может служить основой для суеверий; а наверху этой скалы были остатки постройки продолговатой формы, сооруженной из значительных масс камня, связанного цементом. Вблизи этого места были также и другие развалины» [44, р. 215]. Это описание весьма напоминает слова Палласа, допускавшего, что храм Дианы мог находиться в том месте [48, р. 63–64; 19, с. 43]. Кларк описал местность, сегодня известную как мыс Лермонтова, пробитое волнами отверстие в котором именуют гротом Дианы. Расположены они на юго-западном побережье Гераклейского полуострова, между м. Фиолент и м. Виноградный. В реальности ни к Лермонтову, ни к Артемиде-Диане эти природные памятники отношения не имеют. Тем не менее, устойчивая традиция, возникшая в самом начале российской эпохи в истории Крыма, связывала данную местность с «храмом Дианы» [38, с. 83–86].

⁴⁷ «Высокий мыс, который мы миновали, татары называют Аюдаг, или “Святая гора”» [44, р. 258].

⁴⁸ Партенит – ныне поселок городского типа городского округа Алушта Республики Крым, расположен на южном берегу Крыма. Его название, очевидно, происходит от греческого παρθένος – «девица».

⁴⁹ Таврида – название Крыма, возникшее в Новое время. В российскую эпоху его использовали, чтобы подчеркнуть начало нового этапа в жизни края и апеллировало к его античному наследию в ущерб исламскому [38, с. 8, прим. 1].

⁵⁰ Тавры – группа племен, населявших южную часть Крымского полуострова (южнее условной линии Керкинитиды (ныне Евпатория) – Феодосия) в VIII в. до н.э. – I в. н.э. Римский историк Аммиан Марцеллин (ок. 330–395), очевидно, основываясь на более древних источниках, утверждал, что тавры «добывали милости богов человеческими жертвами и, закалявая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибавляли головы убитых на стенах храма как вечные памятники главным деяниям» (Amm. Marc. Hist. 22. 8. 34) [3, с. 271].

⁵¹ Семибожная (др.-греч.).

⁵² Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοῦδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἢ τοι τῇ / Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδαῦδα, τοῦτεστιν ΕΠΤΑΘΕΟΣ. / *Anonymi Periplus*, ed. Gronov, р. 143. Lug. Bat. 1097. (прим. авт.).

«Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардава, т. е. Семибожный город» [49, с. 283]. Это цитата из анонимного перипла (описание навигации) Черного моря, составленного не ранее второй половины VI в. н.э. на основе более ранних источников [45, р. 102–113]. Эвксин или Понт Эвксинский – античное название Черного моря. Рассуждение о том, что Паллас обнаружил на Кавказе толкование топонима Ардава, отсутствует в его травелогe [ср.: 46]. Возможно, он сообщил об этом Кларку устно.

Айя-бурун

Айя-бурун некоторые авторы ошибочно называют Криуметопон⁵³. Это дикая и наводящая ужас сцена, вроде той, что описал Шекспир в «[Короле] Лире»⁵⁴ – колоссальный перпендикулярный обрыв, один из высочайших в Крыму, представляет собой гору из мрамора, отвесно обрывающуюся в море. К западу она граничит с долиной, где находится селение Карань [*Karany*], ныне населенное греками⁵⁵. Миновав этот мыс и оказавшись в <р. 289> двух верстах [*versts*]⁵⁶ от Монастыря св. Георгия, мы вообразили, что отыскивали настоящий храм девственного демона, по описанию Страбона расположенный на Парфенийском мысе [*Parthenian Promontory*]⁵⁷. Мы оказались у разрушенной постройки, [имевшей] явные следы глубокой древности; материал, [из которого ее соорудили,] – огромнейшие камни – были сложены без всякого цемента. Сохранилась часть вымостки и стены. С этого места нами выполнен вид на Ая-бурун – но масштаб изображения не позволил изобразить развалины на переднем плане⁵⁸. Высота видимого горизонта над морем, что так необычно выглядит на гравюре, совсем не преувеличена⁵⁹.

⁵³ Страбон писал: «*Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криуметопон*» (Strabo Geogr. 7.4.3) [27, с. 283]. Этот мыс упоминают и другие древние авторы, причем создается впечатление, что они могли называть таким образом разные объекты. Современные исследователи по-разному локализируют Криуметопон, связывая его с одним из мысов или даже гор на южном берегу, например, м. Айя, м. Сарыч, или м. Ай-Тодор [28; 1, с. 97–105, 209–211].

⁵⁴ Кларк имеет в виду следующие слова из сцены 6 акта IV трагедии: «*Вот это место. Стойте, господин. / Какая жуть – заглядывать с обрыва / В такую глубину! Величиной с жука, / Под нами вытеся галки и вороны. / Посередине кручи человек / Повис и рвет морской укроп, безумец. / Он весит с голову, а рыбаки / На берегу – как маленькие мыши. / На якорь стоит большой корабль. / Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка / Не больше поплавка – едва видна. / О камни ударяют с шумом волны, / Но их не слышно с этой высоты. / Довольно. Голова б не закружилась! / Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть*» (пер. Б. Л. Пастернака) [40, с. 531].

⁵⁵ Ныне с. Флотское Балаклавского муниципального округа Балаклавского района города Севастополя.

⁵⁶ 1 верста равна 1067 м.

⁵⁷ См. прим. 44.

⁵⁸ См. издание *ин-кварто* (прим. авт.).

В первых изданиях книги Кларка находилась гравюра, сделанная по рисунку путешественника, с изображением мыса Айя (рис. 4) [42, р. 566–567].

⁵⁹ Однажды, спускаясь с горы Везувий (где открывается похожий по масштабу вид), когда атмосфера стала прозрачнее, чем обычно [бывает], автор был сильнее всего потрясен, не осознавая, на какой высоте находится, увидав острова Вентотене [*Ventotiena*] и Понца [*Ponza*], как ни удивительно, возникшие среди облаков, как бы в небесах, гораздо выше линии видимого горизонта. До сих пор живы люди, в то же самое время наблюдавшие это удивительное зрелище. После того он [т. е. автор] наблюдал подобные явления на Гебридских островах и в [Эгейском] Архипелаге; но если подобные виды помещать на гравюрах, то люди, которые никогда не видели ничего подобного, могут счесть их недостоверными (прим. авт.).

Вентотене и Понца – острова в Тирренском море к западу от Италии, входят в состав архипелага Понцианские острова. Гебридские острова – архипелаг в Атлантическом океане у западных берегов Шотландии.

Вскоре после того мы прибыли, во второй раз, к Монастырю св. Георгия; наш друг Паллас впоследствии опубликовал <р. 290> гравюру с изображением этой местности во втором томе своих «Путешествий по южным провинциям Российской империи»⁶⁰. Здесь до сих пор отмечают упомянутый Броневским ежегодный [религиозный] праздник⁶¹. Какие-то крестьяне принесли нам несколько медных монет Владимира Великого. Они представляют большой интерес, поскольку, очевидно, относятся ко времени его крещения, а это событие случилось поблизости от того места. Спереди на них русское «В», а на обороте – распятие, символизирующее его обращение к христианской религии⁶². Как уже говорилось, он был крещен в Крыму; эта церемония имела место, согласно Герберштейну⁶³, в городе Херсонесе [*Chersonesus*], также называвшемся Херсон [*Cherson*] или Корсунь [*Corson*]⁶⁴, имя [кото-

⁶⁰ *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire*. В английском переводе название Палласова травелога отличается от русского («Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства...»), причем последнее лучше соответствует немецкому оригиналу. Упомянутое Кларком изображение Георгиевского монастыря представлено на рис. 5 [47, Pl. 7].

⁶¹ Est in eo loco unde rivulus ille delabitur Pagus quidam non ignobilis, et non procul in ripâ maris, in monte saxoso, *Græcum monasterium, Sancti Georgii solemne*; anniversaria devotio Græcis Christianis, qui nunc in Taurica sunt reliqui, in magna frequentia ibi fieri solet.” *Martini Broniovii Tartaria, Lug. Bat. 1630. (прим. авт.)*.

Русский перевод этого отрывка: «В том месте, откуда берет начало ручеек, есть селение довольно значительное, а недалеко от моря на каменной горе, есть монастырь Св. Георгия. Все греки, живущие теперь на полуострове Таврическом, стекаются туда ежегодно в большом числе, и торжествуют своей годовой праздник» [17, с. 341–342].

⁶² Кларк ошибся: по современным представлениям, эти монеты чеканены не древнерусским князем, а византийским городом Херсоном, и буква на них не русская, а греческая, обозначающая императора Василия I (867–886) [4, с. 116]. Впрочем, в то время этот вопрос не был еще выяснен [подробнее см.: 38, с. 132].

⁶³ *Apud Pagi*, том IV, р. 56 (прим. авт.).

Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) – австрийский дипломат, дважды побывавший в Москве в 1516–1517 и 1525–1526 гг. и оставивший воспоминания о России, материалом для которых служили не только его собственные наблюдения, но и материалы из самых разных источников. В частности, в кратком очерке истории русских правителей, основанном на летописных известиях, он рассказал о Владимире и его крещении в г. Корсунь – *Corson* [26, с. 58–99].

⁶⁴ См. «Дополнительные примечания» в конце этого тома, где [приведен] весьма любопытный документ [Мартина] Броневского, касающийся этого некоего величественного города, – свидетельство весьма мало известное, но сохранившееся, вероятно, единственное его описание. Броневский утверждает, что Владимир крестил греческий патриарх в главном монастыре города Херсонес (прим. авт.).

Это «Дополнительное примечание» [44, р. 451–453] представляет собой пространную латинскую цитату, рассказывающую о городе Херсонесе, из книги Мартина Броневского (см. прим. 16). Польский дипломат, очевидно, побывал на руинах древнего города и видел там остатки каких-то сооружений, которые принял за древний монастырь. В его описании есть такие слова: «...летописи говорят, что князь Владимир отнял этот город у Константинопольского императора Иоанна Цимисхия; но взяв в супружество Анну, сестру императоров Василия и Константина, и быв посвящен каким-то патриархом в таинства веры греческой, в том же монастыре, возвратил его обратно» [17, с. 342]. В конце IV–VI вв. античное название города, Херсонес (Χερσόνησος, *Chersonesus*), постепенно заменилось новой, византийской формой Херсон (Χερσών, *Cherson*). Причины этого не вполне ясны [32, с. 538–544; 9, с. 1001–1005].

рого] ныне легко спутать с Херсоном на Днепре – название, которое русские, как всегда не знавшие древней географии, дали новому городу близ устья этой <р. 291> реки⁶⁵. Примерно в пяти верстах от монастыря, следуя по берегу, мы прибыли к каким-то громадным развалинам в небольшом лесу, по правой стороне от нашей дороги. В нынешнем состоянии невозможно даже снять их план – пастухи-татары, передвигая камни, чтобы сделать их материалом для оград для своих стад, привели все эти остатки в беспорядок.

Алексианов хутор

Отсюда мы продолжили свою поездку к юго-западной оконечности Крыма и, когда стемнело, прибыли в место, которое называется Алексианов хутор [*Alexiano's Chouter*]⁶⁶. Лай собак внушил [нам] приятную уверенность в [наличии] человеческого жилья и вселил надежду на какой-нибудь ночной приют на фоне сильной усталости. Однако, как оказалось, то, что мы приняли за деревню, было четыремя или пятью жалкими рыбацкими хижинами. Немногочисленные жившие там греки предложили нам разместиться в недавно выкопанной в земле яме, которая вряд ли могла вместить трех человек, а запах этого места показался нам отвратительным; к тому же она была заполнена овечьими шкурами, кишевшими паразитами. Раздобыв немного масла в оловянной кастрюле, мы превратили ее в светильник, а поискав вокруг, в конце концов нашли небольшую соломенную лачугу с земляным полом и местом для очага. Здесь, несмотря на крайнюю жару, мы подожгли немного сухой травы, чтобы противостоять действию миазмов окрестных болот и <р. 292> стоячих вод. При свете нашего костра приготовили для профессора Палласа постель на чем-то вроде полки; поскольку на ней поместилась только половина его тюфяка, он, едва заснув, всякий раз соскальзывал вниз; в конце концов, это заставило его перебраться на покойное, пусть и более отталкивающее ложе на сыром и грязном полу. Что же до нас, то, раздобыв две длинные деревянные скамьи шириной в восемь дюймов⁶⁷, нам удалось приноровить свои тела в горизонтальном положении, между сном и явью, до самого утра.

⁶⁵ В конце XVIII в. расположение исторического Херсонеса-Херсона представляло собой загадку. После того, как жители оставили город, о его месте позабыли, а потому ученые и путешественники Нового времени пытались отождествить его с самыми разными географическими пунктами не только в Крыму, но и за его пределами. Называя «Херсоном» новый город на нижнем Днепре, Екатерина II доверилась мнению историка Василия Никитича Татищева, считавшего, что византийская крепость, где крестился князь Владимир, стояла близ того места [подробнее см.: 34; 38, с. 33–35].

⁶⁶ Кларк, очевидно, не понял значение слова «хутор». Это поместье принадлежало Панагиотти (Панаиоти Павловичу) Алексиано (ум. 1788) – греку по происхождению, контр-адмиралу российского флота. Хотя Алексиано принадлежали обширные земельные владения на Гераклеийском полуострове, местоположение упомянутого хутора можно установить достаточно точно. На виньетке в книге Кларка (рис. 6) он отмечен в верховьях правого (восточного) рукава Казачьей бухты [44, р. 273]. Такова же его локализация на разных копиях карты Гераклеийского полуострова 1786 г. [20; 31, рис. 126; 15, с. 45, рис. 6.1]. Именно там оно находится, если исходить из сведений травелога Палласа [19, с. 45, 47].

⁶⁷ 1 дюйм равен 2,51 см.

Мыс и залив Фанари

Когда засиял дневной свет, профессор покинул нас и отправился исследовать мыс Фанари, или Маячный [*Point of Phanari, or the Light Tower*]⁶⁸, и, вернувшись еще до того, как мы очнулись от дремы, уверил нас в том, что весь этот полоса земли покрыта древними развалинами⁶⁹. Мы с энтузиазмом поднялись, чтобы последовать за ним, и, когда подъехали к кромке воды, были тотчас же потрясены видом на очень маленький полуостров, вдававшийся в залив Фанари и полностью покрытый остатками древней крепости⁷⁰. План этого сооружения опубликовал профессор в своей работе⁷¹. Кажется, некогда это был остров, соединявшийся с материком искусственной насыпью, ныне превратившейся в маленький перешеек. От этого полуострова берег начинает подниматься, и вся земля по направлению к его западной оконечности повышается. <р. 293>

Развалины древнего Херсонеса по Страбону

Поднимаясь на эту пологую возвышенность и достигнув вершины, мы сразу же обнаружили стены, улицы, разрушенные постройки и другие развалины древнего Херсонеса [*old Chersonesus*]⁷². Появившиеся удлиненные вымостки, ветхие стены, разрозненные фрагменты терракоты [*terra cotta*]⁷³, разбитых амфор, черепиц и кирпичей от водоводов, а также другие признаки древнего города, господствовали на всей этой территории вплоть до самого моря. План, помещенный на виньетке к этой главе, весьма несовершенен, но он сможет лучше передать представление о расположении этих руин, нежели любое письменное описание⁷⁴. Целый день тру-

⁶⁸ Полуостров Маячный – крайняя западная оконечность Гераклеийского полуострова, или юго-западная оконечность Крыма. Его название – это перевод греческого Фанари (засвидетельствовано также тюркское Фенер), «маяк», которое фиксируется в средневековых источниках. Древний маяк находился, очевидно, на мысе – оконечности полуострова (ныне мыс Херсонес). Путешественники Нового времени стали переносить название Маячный (Фанари) на весь полуостров [11, с. 45]. «Маячной бухтой» Кларк назвал Казачью бухту, омывающую одноименный полуостров с востока. Данный отрывок травелога Кларка написан под влиянием Палласа [ср.: 19, с. 41].

⁶⁹ По современным представлениям, территория Маячного полуострова была освоена жителями античного Херсонеса во второй четверти IV в. до н.э. Землю размежевали на участки, где, учитывая климатические условия, планировали выращивать виноград. На перешейке соорудили укрепленное поселение, ограниченное двумя стенами от моря и до моря. Сооружения Маячного полуострова функционировали, с перерывами, также в римское и византийское время [18].

⁷⁰ Речь идет о небольшом островке в верховьях Казачьей бухты, представляющем собою выступ скальной террасы. Территория вокруг него, вероятно, была затоплена водой в эпоху Средневековья, а до той поры ее занимали различные постройки и сооружения античной эпохи. В византийское время на островке возник монастырь, вероятно, связанный с культом св. Климента [18, с. 63–66, 93].

⁷¹ См.: 47, S. 24, Vig. No. 2. Также: рис. 6.

⁷² См. прим. 2. Подобно Кларку, многие современные исследователи локализуют Древний Херсонес на Маячном полуострове, считая, что он занимал всю его территорию или только укрепление на перешейке [12, с. 90-92; ср.: 18, с. 7]. В данном случае Кларк, очевидно, воспринял мнение Палласа [ср.: 19, с. 45].

⁷³ «Терракотой» Кларк называл керамику [ср.: 44, р. 231].

⁷⁴ См. рис. 7.

дились мы над чертежом под лучами палящего солнца; тем временем почтенный Паллас, более деятельный чем каждый из нас двоих⁷⁵, работал без усталы, измерив шагами все расстояния и обмерив собственными руками каждую сохранившуюся стену и фундамент. Убедившись, что развалины продолжаютя на всем протяжении до мыса Маячного, мы обнаружили на западном берегу одноименной бухты, близ уреза воды, остатки здания, вероятно, бывшего некогда маяком. Оно могло дать имя Фанари западному мысу, а также и самой бухте. [Здесь] еще сохраняются арочный вход между двумя стенами и квадратный проем для <р. 294> окна, [сработанные в] весьма массивной и крепкой кладке⁷⁶.

Чоргунская долина

Утомленные трудоемкими исследованием развалин, где не удалось найти ни единой надписи, монеты или барельефа, мы поспешили насладиться красотами природы в восхитительной Чоргунской долине [*Valley of Tchorgona*]⁷⁷, куда привел нас профессор, провести ночь в усадьбе его друга Габлица [*Hablitz*]⁷⁸, имя которого он увековечил в [названии] *Salvia Hablitziana*⁷⁹, и чьи любезные услуги он так часто и так патетично упоминал в своих записках⁸⁰. Вероятно, в Крыму нет другого места, отличающегося таким природным совершенством. Несмотря на свой куда меньший масштаб, оно значительно превосходит хваленую Байдарскую долину [*Valley of Baidar*]⁸¹. Резиденция г-на Габлица первоначально была местом житель-

⁷⁵ Т. е. Кларка и Криппса.

⁷⁶ Эта постройка относилась, вероятно, к эпохе Средневековья и действительно могла быть маяком. Ее разрушили в начале XIX в. строители современного маяка [см.: 5, с. 58, 218, рис. 1.3], а потому любые датировки и культурные атрибуции остаются гипотетическими [11, с. 45–48].

⁷⁷ Кларк, очевидно, изобрел этот топоним, ведь в других источниках он неизвестен. Чоргун (Чоргуна) – ныне с. Черноречье Балаклавского района г. Севастополя – находится в среднем течении р. Черной, в котловине между горами. Показательно, что Паллас, высоко оценивавший долину Чоргуны, не дал ей собственного имени [19, с. 55–56; 47, S. 98–99].

⁷⁸ Карл Иванович (Карл-Людвиг) Габлиц (1752–1821), естествоиспытатель и государственный деятель, приехал в Россию из Германии. По поручению наместника Юга Григория Александровича Потемкина он подготовил географическое и историческое описание Крыма. В дальнейшем жил и работал в Петербурге, став членом Академии наук и Сената, и считался экспертом по вопросам развития Тавриды [14, с. 42–47].

⁷⁹ Т. е. «шалфей Габлица» – открытый Палласом шалфей скабиозолистный (ср. прим. 7). Интересно, что его изображение впервые опубликовал Кларк (рис. 8) [29, с. 223; 42, р. 568].

⁸⁰ См., в частности «Путешествия по южным провинциям...», том 2, с. 99 (прим. авт.).

В данном отрывке Паллас рассказывает о том, как во время поездки по Крыму в 1794 г. прибыл в деревню Чоргуну (Чоргунь): «[У] ее владельца, уже упомянутого моего друга Габлиця, на лоне приязни мы отпраздновали Пасху» [19, с. 56].

⁸¹ Байдарская долина находится в котловине между горами в юго-западной части Крымского полуострова. Путешественники Российской эпохи создали ей репутацию чрезвычайно живописного и привлекательного места, в буквальном смысле – рая на Земле [38, с. 75–76, 116–118, 133]. Кларк не упустил возможности посмеяться над этим стереотипом: «В Крыму нет ни одной другой местности, которую прежние путешественники восхваляли бы больше, чем Байдарскую долину. Описания давали ей высокопарные имена “Таврической Аркадии” и “Крымской Темпы” – в пылу фантазии, но, как и следовало ожидать, допуская известные ошибки в изложении фактов. Если предпринимать

ства одного турецкого паши – она сохранила нерегулярную структуру и гротескное величие турецкой архитектуры. Она находится в тени виноградных лоз, высоких плодовых деревьев и тополей, среди скал и гор, покрытых лесами, и садов, орошаемых многочисленными фонтанами⁸². Вблизи дома имеется большая древняя башня, перекрытая куполом; она служила убежищем для местных жителей, когда <р. 295> Черное море наводняли корсары, грабившие мирные долины Крыма. В ее верхних помещениях мы обнаружили несколько верлюжных пушек и некоторые другие небольшие артиллерийские орудия – хотя само задние, как кажется, соорудили в эпоху, предшествующую той, когда в Европе стали использовать порох⁸³. Живущих в Чоргунской долине татар считают одними из богатейших в этой стране. Благодаря близости к Ахтиару [*Aktiar*]⁸⁴ они нашли рынок для сбыта продукции своих земель, отправляя туда мед, воск, фрукты и зерно. Их уединенная долина казалась приютом здоровья и радости; здесь не было видно ни единого русского; среди окружающих со всех сторон гор, густо поросших лесом, раздавались веселые звуки рожка и барабана. Наутро после приезда нас разбудил дикий концерт, [доносившийся] с холмов, [данный] теми инструментами, что, вероятно, оживляли танцы нецивилизованных народов в самые ранние периоды [развития] общества. Исполняла его группа *Tzigankies*, то есть цыган, которые в качестве нищих мастеров, музыкантов и астрологов очень часто встречаются на всем Юге России [*South of Russia*]. У них был духовой инструмент – нечто вроде гобоя, сделанный из древесины вишневого дерева, и большой татарский барабан, [который,] как сказано выше, был характерен для кимбров [*Cimbri*] во времена Страбона⁸⁵. <р. 296>

сейчас попытку разоблачения вызванных таким способом иллюзий, но лишь с надеждой на то, чтобы приехавшие вслед за нами не были разочарованы [44, р. 232]. Мода на античность заставляла авторов XVIII–XIX вв. обращаться к образам Греции, которые задавали канон живописного пейзажа, патриархальных нравов местных жителей и простого счастья. К числу подобных штампов относился образ исторических областей Аркадии и Темпи (Темпейской долины), ставших воплощением идиллической утопии [38, с. 117].

⁸² До наших дней дом Габлица не сохранился, но есть его изображение, помещенное одной из иллюстраций к книге Палласа (рис. 9) [47, Pl. 8].

⁸³ Кларк, по-видимому, ошибся. Подробно описавший Чоргунскую башню А. Л. Бертье-Делагард, бывший по образованию военным инженером, категорически отрицал самую возможность того, что эта постройка была частью укрепления. По его мнению, башня была резиденцией какого-то знатного лица Османского времени, а пушки на верхней площадке были установлены для развлечения, а не в военных целях, например, самим Габлицем [7, с. 84–89].

⁸⁴ Ахтиар, Ахтияр, Ак-Яр – название небольшого татарского селения, находившегося на северной стороне совр. Севастопольской бухты [19, с. 36]. «Ахтиаром» иногда называли Севастополь, а «Ахтиарской бухтой» – одноименную бухту.

⁸⁵ См. с. 138 в этом томе (прим. авт.).

В этом отрывке Кларк, описывая путешествие по Керченскому полуострову, рассказал о встрече с цыганами, которые стояли в степи табором. *«Татары весьма потворствуют цыганам, позволяя им разбивать лагерь посреди своих селений, где те выполняют разные функции кузнецов, музыкантов и астрологов. <...> В одной из повозок, принадлежавшей группе цыган, которую мы посетили, лежал огромный барабан: они играют на этом инструменте в сопровождении трубы, когда выступают*

Опасный климат

Ранним утром этого дня профессор Паллас поехал вместе с г-ном Галеной [*Galena*]⁸⁶, который прибыл по его приглашению, в Инкерман⁸⁷, чтобы показать ему какие-то морские травы, пригодные для изготовления золы из водорослей⁸⁸. Дурной воздух этого места в совокупности с утомлением прошлого дня вызвали у него жестокую лихорадку; однако еще до своего отъезда из Крыма мы имели счастье увидеть его выздоровевшим. Летом лихорадки настолько распространены по всему [Крымскому] полуострову, что вряд ли можно их избежать. Если выпьешь воды после того, как поешь фруктов, случится ли-

перед деревенскими танцорами. Звук этого барабана был громче всех, что нам доводилось слышать; и, хотя он наводил ужас, но, тем не менее, был музыкальным. Страбон упоминает барабан как распространенный у древних кимвров инструмент и отмечает его устрашающий звук» [44, р. 137–138]. Кимвры (кимбры) – германское племя, прародиной которого была Ютландия. Оттуда они в конце II–I вв. до н.э. вторглись на территорию Римской империи и совершили ряд походов на территории совр. Германии, Швейцарии, Франции и Испании. Путешественники по Тавриде Нового времени, основываясь на созвучии имени кимвров, этнонима киммерийцев и топонима Крым, нередко строили по этому поводу самые фантастические гипотезы [см.: 38, с. 105].

⁸⁶ Возможно, это Варфоломей (Бартоломео) Галера, выходец из Савойи, который с 1787 г. жил в Феодосии и занимался виноградарством, садоводством и торговлей [21, с. 299–300, № 219; с. 396, прим. 432].

⁸⁷В отсутствие сведений, касающихся Инкермана, интересно и ценно сохранившееся у [Мартина] Броневского краткое сообщение. Этого автора не просто цитировал, но переписывал Туан [*Thuanus*], в остальном же его труды, кажется, остаются незамеченными. «*Ingermenum milliarius XII vel amplius à Coslovià distat. Arcem lapideam, templum, et specus sub arce, et ex adverso arcis miro opere ex petrà excisos, habet; nam in monte maximo et altissimo sita est, ac inde à specubus à Turcis cognomen retinet. Oppidum quondam non ignobile, opibus refertum, celeberrimum, et natura loci maximè admirandum, copiosissimumque exstitit. ... Ingermeni arcem satis et magnificam à Principibus Græcis extractam fuisse apparet: nam porta et ædificia adhuc nonnulla integra Græcis characteribus exornata, et cum insignibus eorum insculpta conspiciuntur. Ac per universum illum isthmum quondam ibi usque ad urbis mania ædificia sumptuosa exstitisse, puteos excavatos infinitos, qui adhuc fere plurimi sunt integri; ad extremum vero duas vias Regias grandes lapidibus stratas esse, certò apparet».* Martini Broniovii Tartaria, Lug. Bat. 1630» (прим. авт.).

«*Ингермен находится в 12 милях, или более, от Козлова. В нем каменная крепость, мечеть и пещеры, с удивительным искусством высеченные под крепостью и насупротив нее; ибо город расположен на большой высокой горе, и от этих пещер получил турецкое название. Он был прежде значителен, довольно богат, изобиловал всем необходимым и был замечателен своим местоположением <...> Видно, что Ингерменская великоленная крепость построена греческими государями; ибо до сих пор еще ворота и некоторые уцелевшие здания украшены греческими надписями, и гербами. Очень ясно видно, что по всему тому перешейку, даже до стен города, были великоленные строения, и вырыто множество колодцев, из которых многие еще уцелели; на оконечности же видны две большие широкие дороги, вымощенные камнями»* [17, с. 340–341]. Жак-Огюст де Ту (1553–1617) – французский государственный деятель, автор «Истории своего времени», описавшей события середины XVI – начала XVII в. Написанный на латыни, этот труд был подписан латинизированной формой фамилии автора – Туан (*Thuanus*). Козлов (точнее, Кёзлев) – название совр. Евпатории в эпоху Крымского ханства.

⁸⁸ Вероятно, эта поездка была связана с проектами по добыче в Крыму соды путем пережигания некоторых видов растений, которую собирались применять в мыловаренной и стекольной промышленности [см.: 19, с. 192, 205; 14, с. 46].

хорадка; если поешь молока, яиц или масла – лихорадка; если, во время испепеляющей дневной жары, позволишь себе самое обычное небрежение одеждой – лихорадка; если рискнёшь выйти на улицу <р. 297>, чтобы насладиться приятнейшим вечерним ветерком, – лихорадка; короче говоря, климат здесь настолько опасен для чужаков, что Россия должна считать эту страну кладбищем для войск, присланных для поддержания ее власти. Это не относится к ее природным жителям – татарам [*Tahtars*]: используемые ими меры предосторожности, дополненные длительным опытом, обеспечивает их безопасность. Можно заметить, как при малейшей перемене погоды они заворачиваются в овечьи шкуры и укрываются толстым войлоком, а головы обертывают многими витками льняной ткани или защищают теплыми, набивными, отороченными мехом шапками.

Татарская знать

Число знатных татар Крыма, или мурз [*Moorza*], ведь их называют именем, соответствующим персидскому слову *мурза* [*Mirza*], столь популярному в наших восточных сказках, составляет около двухсот пятидесяти человек. Их одежда – совершенно как у черкесов, за исключением того, что шапка больше тех головных уборов, что носят на голове князя Кавказских гор. Их конные фигуры – в высочайшей степени величавы. У всех крымских татар любого ранга можно отметить элегантность манер; она, хоть, вероятно, и свойственна всем восточным нациям, но составляет разительную противоположность мужиковатой фигуре русского. Забавно наблюдать, как они <р. 298> разговаривают между собой: подобно русскому, татарину свойственно произносить слова с пылкостью и живостью, – но это пыл совершенно разной природы. Про татарина можно сказать, что он выказывает игривую гибкость и разнообразные позы леопарда, тогда как русский, скорее напоминающий медведя, производит неуклюжие жесты своими лапами. Платье знатного татарина демонстрирует столько вкуса, сколько может показать обычай, требующий обязательных украшений из золотой и серебряной тесьмы: он не перегружен орнаментом, а цвета не кажутся кричащими. Знать иногда ценит яркий контраст между серебряной тесьмой и черным бархатом шапок, шелком багряного или розового цвета и темной тканью их рубашек и кафтанов; но в целом платье сановного татарина отличает простая элегантность, а также и чистота. Любимый цвет одежды у них тусклый, а серая или белая овечья шерсть зимних шапок – это самое почитаемое из всех украшений.

Русский рекрут

Русский крестьянин, принадлежащий к тщедушной расе, связанный с лапландцем как звено в цепочке между ним и пигмеем, от природы обладает живым нравом: он никогда не бывает совсем неуклюжим, пока не станет солдатом. Лишь только он поступит на службу, как с его лица исчезает оживленное и радостное выражение; тут <р. 299> он превращается в измотанного, глупого, забитого, угрюмого хама. Это описание можно отнести и к русским командиром, с тем только различием, что они

более распутны. Русский князь и русский крестьянин демонстрируют одни и те же яркие черты национального характера⁸⁹.

Salvia Hablitziana

На скалах позади дома г-на Габлица мы нашли обильные заросли растения, которому Паллас дал имя своего друга – *Salvia Hablitziana*. Г-н <р. 300> Габлиц впервые увидел его в том самом месте, откуда взяты и наши экземпляры, и отправил семена Палласу в Петербург. Тем не менее, это растение все еще необычайно редкое. Поскольку оно многолетнее, его можно высадить в обычную садовую землю под открытым небом; ежегодно оно увеличивается в размере, пока не превратится в прекрасный высокий куст очень большой красоты. Впоследствии мы привезли его в ботанический сад Кембриджа; там оно прижилось, но никогда не сравнялось с размером, которого достигает в России. В Крыму соцветие большего размера и включает больше цветков, чем у английских экземпляров.

Возвращение в Акмечеть

Из Чоргуни мы вновь возвратились в Шулю и оттуда в Каралез, где провели ночь во дворце одного знатного татарина, на своеобразном ложе, которое называется «диван» [*divân*] и всегда расположено кругом, вдоль стен главной комнаты в татарском или турецком дворце. Здесь нас накрыло жуками и мухами самого невероятного размера – они напали, словно муравьи из муравейника. На следующий день мы совершили приятную поездку в Акмечеть и снова разделили удобства гостеприимной профессорской усадьбы, сожалея лишь о том, что лихорадка, которую он подхватил в результате этой экскурсии, которую в противном случае мы бы сочли приятнейшей из всех, которые только доводилось совершить.

⁸⁹ Батлер с необыкновенной точностью нарисовал в своем «Гудибрасе» настолько достоверный портрет русского генерала, что ни один человек, знакомый с этой страной, прочитав [эту книгу], не сможет не признать, что изображение это настолько же точно, как если бы им занялся сам Потемкин: *«Он по рождению был, как пишут одни, / Русским, другие же – московитом, / И был взращен среди казаков, / О коих мы читали в книгах, / Что заполняют страницы здесь / Как их тела – канавы там (*)»*. / Скриманский-немец был его кузен, / С ним он служил и паразитов ел; / А когда и этого не было, то сосал свои когти / И раздирал себя лапами. / И хотя его соотечественники – гунны / Вялили мясо между собственными задками / И спинами лошадей, на которых сидели, / И каждый из них ел свое седло, / Он не был и вполовину так хорош, как они, / Но ел его сырым, если встретил его на своем пути». Гудибрас, Часть I, Песня 2.

(*) Потемкин умер в канаве близ Ясс; и, после похорон в херсонской церкви, по приказу императора Павла его тело извлекли и бросили в крепостной ров (прим. авт.).

Самьюэл Батлер (1613–1680) – английский поэт-сатирик, автор иронической поэмы «Гудибрас», которую процитировал Кларк. Правитель Юга России Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) действительно умер в степи между Яссами и Кишиневом, но не в канаве, а в чистом поле, на руках у любимой племянницы. Его тело перевезли в церковь св. великомученицы Екатерины в Херсоне, где поместили в раку – оно оставалось непогребенным в течение 7 лет, пока Павел I не приказал зарыть его без огласки и памятника. Ходили слухи, что мстительный император велел не хоронить весельного фаворита, но выбросить его кости поблизости. Вероятно, о чем-то подобном слышал Кларк. Тем не менее, тело Потемкина захоронили под полом церкви. Его могилу разорили (а потом снова восстановили) после Октябрьской революции [25, с. 7, 472–475].

Рис. 1. Эдвард-Даньел Кларк. Гравюра Хенри Майера по рисунку Джона Джексона, 1814 г. Собрание Национальной портретной галереи, Лондон

Fig. 1. Edward Daniel Clarke. Engraved by Henry Meyer, after John Jackson's drawing, 1814. The National Portrait Gallery collection (London)

Рис. 2. Петер-Симон Паллас во время работы экспедиции 1793–1794 гг. Акварель Христиана-Готлиба-Генриха Гейслера [по: 10, с. 29]

Fig. 2. Peter Simon Pallas during the expedition of 1793–1794. Watercolour by Christian Gottlieb Georg Geissler [after: 10, с. 29]

Рис. 3. Мыс ветров из выкопанных камер на высокой крепости Мангуп в Крыму. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка [по: 42, p. 559]

Fig. 3. Cape of the Winds from the excavated Chambers in the lofty fortress of Mankup in the Crimea. Engraved after the drawing by Edward Daniel Clarke [after: 42, p. 559]

Рис. 4. Ая-Бурун, или священный мыс, вероятно – Страбонев Парфений. Вид со стороны разрушенной постройки близ монастыря св. Георгия, на Гераклейском полуострове. Гравюра по рисунку Эдварда-Даньела Кларка [по: 42, p. 566]

Fig. 4. The Aya Bürün, or Sacred Promontory, probably the Parthenium of Strabo. Taken from a ruined Edifice near the Monastery of St. George in the Heracleotic Chersonesus. Engraved after the drawing by Ed. D. Clarke [по: 42, p. 566]

Рис. 5. Греческий монастырь Св. Георгия, как он виден с края выдавшегося мыса подле черной скалы, с его виноградниками, посаженными на террасах крутого ската горы. На этом склоне ясно видны горизонтальные слои белых известняков, лежащих на выдающемся в море черном шифере, а вдали – Балаклавский мыс, круто выступающий в море, состоящий из мраморовидного известняка.

Гравюра по рисунку Х.-Г.-Г. Гейслера [по: 47, Pl. 7; ср.: 19, с. 217]

Fig. 5. A Prospect of the Greek Monastery of St. George, as it appears from the elevated shore of a promontory near the blackish cliff; together with the vineyards, arranged in terraces on the rising coast. The shore just mentioned clearly exhibits the manner, in which the white calcareous strata are horizontally disposed on the surface of the blackish schistus extending into the sea; and, at a distance, lies the Cape of Balaklava, which consists of marmoraceous lime-stone, and abruptly advances into the sea. Engraved after Ch. G. G.

Geissler's drawing [after: 47, Pl. 7; cf.: 48, p. XIV–XV]

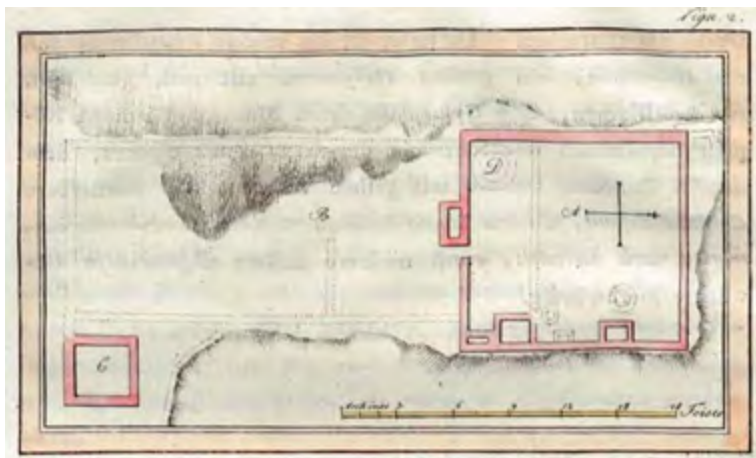

Рис. 6. План маленькой очень древней крепости на полуострове Фанари около развалин древнего Херсонеса. Чертеж П.-С. Палласа [по: 47, S. 24, Vign. 2; 19, с. 220, вин. 2]

Fig. 6. A plan of a small and very old fort, erected on a peninsula of the bay of Fanary, near the ruins of the ancient Chersonesus. Drawn by P. S. Pallas [after: 47, S. 24, Vign. 2; cf.: 48, p. XIX]

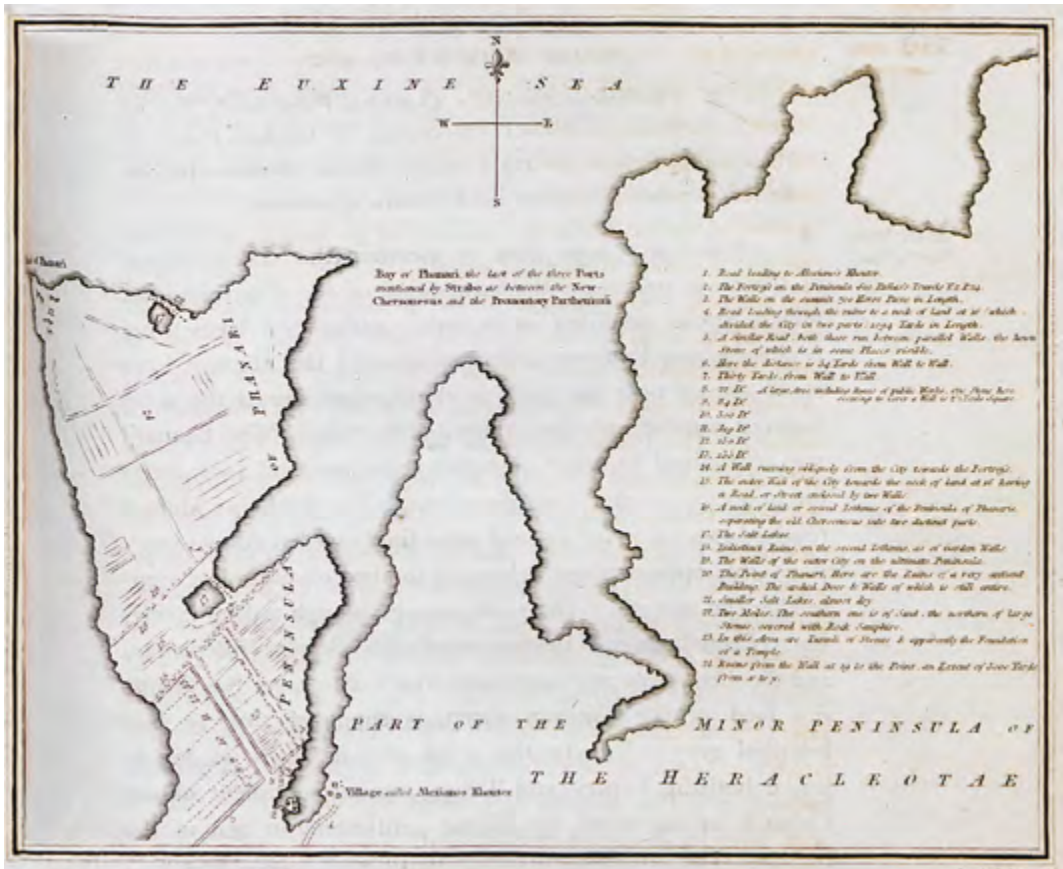

Рис. 7. Карта мыса и залива Фанари, показывающее местоположение древнейшего из двух городов херсонеситов на Гераклеюмском полуострове. Составлена Э.-Д. Кларком [по: 44, р. 273]
 Надписи на карте (сверху вниз и слева направо): Эвксинское море; мыс Фанари; полуостров Фанари; залив Фанари – последний из трех портов, упомянутых Страбоном, между Новым Херсонесом и мысом Парфений; часть малого полуострова гераклеютов; селение, называющееся Алексиановым хутором.

Цифровые обозначения: 1. Дорога, ведущая к Алексианову хутору; 2. Крепость на полуострове. См. «Путешествия» Палласа, т. II, с. 24. 3. Стены на вершине, длиной 700 конских шагов. 4. Дорога, ведущая через развалины к перешейку 16 (который делит города на две части), длиной 1094 ярда. 5. Похожая дорога; обе они проходят между параллельными стенами, тесные камни которых видны в некоторых местах. 6. Здесь расстояние от стены до стены – 54 ярда. 7. Тридцать ярдов от стены до стены. 8. 28 ярдов [от стены до стены]. Обширная площадь, включающая развалины общественных сооружений. Здесь один из камней, как кажется, перекрывавший колодец, имеет площадь в два с половиной ярда. 9. 84 ярда от стены до стены. 10. 300 [ярдов от стены до стены]. 11. 319 [ярдов от стены до стены]. 12. 150 [ярдов от стены до стены]. 13. 135 [ярдов от стены до стены]. 14. Стена, идущая наискось от города в сторону крепости. 15. Внутренняя стена города, в направлении перешейка 16, с дорогой или улицей между двух стен. 16. Узкий участок земли, или второй перешеек полуострова Фанари, делящий Древний Херсонес на две отдельные части. 17. Соленые озера. 18. Невразумительные развалины на втором полуострове, вроде садовых стен. 19. Стены внешнего города на крайнем полуострове. 20. Мыс Фанари. Здесь находятся развалины очень древней постройки, арочная дверь и стены которой сохранились доныне. 21. Малые соленые озера, почти высохшие. 22. Две дамбы: южная из песка, северная из больших камней, покрытых критмумом морским. 23. На этой площади есть курганы из крупных камней и, вероятно, основание храма. 24. Развалины от стены 19 до мыса; расстояние от [точки] x до [точки] y 3000 ярдов.

1 ярд = 91 см. Критмум морской – многолетнее растение из семейства зонтичных, произрастает на каменистых или песчаных приморских склонах. Именно этот «морской укроп» упомянул Шекспир в «Короле Лире» – см. прим. 54 (*прим. перев.*)

Fig. 7. Map of the Point and Bay of Phanari, shewing the site of the older of the two cities of the Chersonesians, in the Heracleotic Peninsula. Compiled by Ed. D. Clarke [after: 44, p. 273]

1. Road leading to Alexiano's Chouter. 2. The Fortress on the Peninsula. See Pallas's *Travels*, vol. II, p. 24. 3. The Walls on the summit, 700 horse paces in length. 4. Road leading through the Ruins, to a neck of land, at 16 (which divided the City in two parts), 1094 yards in length. 5. A similar Road; both these run between parallel Walls, the hewn stone of which is in some places visible. 6. Here the distance is 54 yards from wall to wall. 7. Thirty yards from Wall to Wall. 8. 22 ditto. A large Area, including Ruins of public Works. One stone here, seeming to cover a well, is two yards and a half square. 9. 84 yards, from wall to wall. 10. 300 ditto. 11. 319 ditto. 12. 150 ditto. 13. 135 ditto. 14. A Wall running obliquely from the City towards the Fortress. 15. The outer Wall of the City, towards the neck of land at 16, having a road or street inclosed by two walls. 16. A neck of land, or second Isthmus of the Peninsula of Phanari, separating the Old Chersonesus into two distinct parts. 17. The Salt Lakes. 18. Indistinct Ruins on the second Isthmus, as of garden walls. 19. The Walls of the Outer City, on the Ultimate Peninsula. 20. The Point of Phanari. Here are the ruins of a very antient building, the arched door and walls of which are still entire. 21. Smaller Salt Lakes, almost dry. 22. Two Moles: the southern one is of sand, the northern of large stones, covered with rock samphire. 23. In this Area are Tumuli of large stones, and apparently the foundation of a Temple. 24. Ruins from the wall at 19, to the Point; an extent of 3000 yards from x to y.

1 yard = 91 cm. Rock samphire, crithmum, or sea fennel is a perennial plant of the Umbelliferae family. It is found on rocky or sandy seacoasts. Samphire is mentioned by Shakespeare in *King Lear* – see note 54 (*translator's note*)

Рис. 8. *Salvia Hablitziana* – шалфей скабиозолистный [по: 42, p. 568]
Fig. 8. *Salvia Hablitziana*, or Hablitz's Sage [after: 42, p. 568]

Рис. 9. Прелестный вид долины и деревни Чоргуна, принадлежащей тайному советнику Габлицу; одно из самых красивых мест Крыма с старой башней, садом и турецким домом. На переднем плане – татарин-пастух, на заднем плане – горы, окружающие Байдарскую долину. Гравюра по рисунку Х.-Г.Г. Гейслера [по: 47, Pl. 8; ср.: 19, с. 217]

Fig. 9. A charming View of the Valley and Village of Tshorguna, one of the most beautiful in Crim-Tartary, and the property of Privy Counsellor Hablitzl. There is also represented the ancient tower, the garden, and a Turkish dwelling-house. In front, appears a Tartar shepherd; and in the back-ground are the mountains which enclose the valley of Baidari. Engraved after Ch. G. G. Geissler's drawing [after: 47, Pl. 8; cf.: 48, p. XV]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука, 1992. 240 с.
2. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. Симферополь: Таврия-плюс, 1999. 464 с.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М.: АСТ; Ладомир, 2005. 631 с.
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 174 с.
5. Бабенчиков В.П. Гераклеийский полуостров, его географическая и экономическая среда // Гераклеийский сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю.А. Виноградова, Т.Н. Смекаловой. СПб.: Алетейя. 2019. С. 58–64.
6. Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. 2. Симферополь: Доля, 2011. С. 139–255.
7. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. 3. Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153.
8. Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: археологический словарь Крыма. Киев: Стило, 2006. 527 с.
9. Виноградов А.Ю. Херсонес – Херсон, Пантикапей – Воспор: вопрос идентичностей или общеимперский процесс? // ВДИ. 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006.
10. Гейслер Х.Г. Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков. М.: Кучково поле, 2015. 384 с.
11. Иванов А.В. Древний маяк на м. Херсонес в картографических материалах и сообщениях авторов кон. XVIII – нач. XIX вв. // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России»: тез. докл. межд. науч. конф. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2018. С. 44–49.
12. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 655 с.
13. Кларк М.Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. с франц. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Вып. 3 / ред.-сост. Н.Ф. Федосеев. Керчь, 1999. С. 11–38.
14. Конкин Д.В. Оценки экономического потенциала Крыма в трудах ученых-путешественников: «дефект описания» и его практические последствия // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н.И. Храпунова, Д.В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 37–56.
15. Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности / под ред. Г.Р. Мака, Дж.К. Картера. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический»; Остин: Институт классической археологии, 2003. 231 с.
16. Маркевич А.И. Академик П.С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды (к столетию со дня его смерти) // ИТУАК. 1912. Вып. 47. С. 167–242.
17. Мартин Броневский. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) / пер. с лат. И. Г. Шершеневича // ЗОО-ИД. 1867. Т. 6. С. 333–367.
18. Николаенко Г.М. Древности Маячного полуострова. Археологическая характеристика памятников. Севастополь: Альбатрос, 2018. 344 с.
19. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. А.Л. Бертье-Делагарда, С.Л. Белявской. М.: Наука, 1999. 246 с.
20. План древнего города Херсонеса. 1786 г. // Крым в истории России [Электронный каталог выставки]. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/plan-drevnego-goroda-hersonesa>
21. Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг. Сборник документов / сост. Н.Ю. Болотиной. М.: Кучково поле, 2019. 432 с.
22. Пузанов И.И. Пребывание Палласа в Крыму в годы 1794–1810 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1974. Т. 79. Вып. 5. С. 22–40.

23. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1–8: Готский сборник. С. 5–106.
24. Репников Н.И. Археологические памятники Гераклейского полуострова. Обзор описаний и исследований памятников Гераклейского полуострова с конца XVIII столетия и до наших дней // Гераклейский сборник. Вып. 1 / науч. ред. Ю.А. Виноградова, Т.Н. Смекаловой. СПб.: Алетейя, 2019. С. 65–123.
25. Себаг-Монтефиоре С. Потемкин / пер. с англ. Н. Сперанской, С. Панова. М.: Вагриус, 2003. 558 с.
26. Сигизмунд [фон] Герберштейн. Записки о Московии. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / пер. с лат. А.И. Малейн, А.В. Назаренко, с ранневерхненем. А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
27. Страбон. География в 17 книгах / пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 940 с.
28. Суриков И.Е. К возможной идентификации одного крымского топонима – мыса Бараний Лоб (Κρυῖο Μῆτωλον) античных источников // ХСБ. 2021. Вып. 22. С. 194–201.
29. Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2014. 456 с.
30. Топонимика Крыма. Вып. 4: Топонимикон Крыма И.Л. Белянского / под ред. Ю.А. Беляева. Симферополь: Н. Оріанда, 2022. 708 с.
31. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
32. Храпунов Н.И. Политическая история, государственное и административное устройство Херсонеса в конце IV – VI вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. С. 521–545.
33. Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. 14. С. 645–697.
34. Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 236–251.
35. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследование и иллюзии // МАИЭТ. 2017. Вып. 22. С. 412–432.
36. Храпунов Н.И. Крымские письма Эдварда-Даньела Кларка // МАИЭТ. 2019. Вып. 24. С. 470–510.
37. Храпунов Н.И. Изучение Крыма как пример научного сотрудничества ученых путешественников на рубеже XVIII–XIX вв. // Российская наука в европейском контексте во второй половине XVIII – первой половине XIX века / ред.-сост. Н.М. Сперанская. СПб.: РНБ, 2021. С. 125–145.
38. Храпунов Н.И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
39. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Бахчисарай и его памятники глазами Эдварда-Даньела Кларка // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь, 2016. С. 157–190.
40. Шекспир У. Полн. собр. соч. в 8 т. / пер. с англ.; под ред. А. Смирнова, А. Аникста. Т. 6. М.: Искусство, 1960. 685 с.
41. Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3. С. 15–43.
42. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. London: T. Cadell and W. Davies, 1810. 812 p.
43. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 533 p.
44. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
45. Diller A. The Tradition of Minor Greek Geographers. Lancaster (PA): Lancaster Press; Oxford: B.H. Blackwell, 1952. 199 p.
46. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 1. Leipzig: Gottfried Martini, 1799. 516 S.
47. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
48. Pallas P.S. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794 / tr.

- from German. Vol. 2. London: T. M. Longman and O. Rees; T. Cadell and W. Davies; J. Murray and S. Highley, 1803. 523 p.
49. Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / сост. В.В. Латышев. Т. 1: Греческие писатели. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1890. 946 с.
50. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his widow. Vol. 1. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
51. The Oxford Classical Dictionary. 3rd ed. / ed. S. Hornblower, A. Spawforth. Oxford: Oxford University Press, 1999. 1640 p.

REFERENCES

1. Agbunov M.V. *Antichnaja geografija Severnogo Prichernomor'ia* [Ancient geography of the Northern Black Sea Area]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 240 p.
2. *Administrativno-territorial'nye preobrazovanija v Krymu. 1783–1998 gg. Spravochnik* [Territorial administration changes in the Crimea, 1783–1998: a guide]. Simferopol, Tavriia-plius Publ., 1999, 464 p.
3. Ammianus Marcellinus. *Rimskaia istoriia* [Roman history]. Moscow, AST Publ., 2005, 631 p.
4. Anokhin V.A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)* [The coinage of Chersonesos, the fourth century BC to the twelfth century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 174 p.
5. Babenchikov V.P. The Gerakleiskii Peninsula, its geographical and economical situation. *Gerakleiskii sbornik* [Heracleian collection], 2019, vol. 1, pp. 58–64.
6. Bert'e-Delagard A.L. To the history of Christianity in the Crimea. *Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii khristianstva v Krymu. 2* [Selected works on the history of Christianity in the Crimea, 2]. Simferopol, Dolia Publ., 2011, pp. 139–255.
7. Bert'e-Delagard A.L. The sites of ancient structures in the vicinity of Sevastopol and the cave towns of the Crimea. *Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednevekovogo Kryma. 3* [Selected works on the history of mediaeval Crimea, 3]. Simferopol, Dolia Publ., 2012, pp. 7–153.
8. Burov G.M. *Entsiklopediia krymskikh drevnostei: arkhelogicheskii slovar' Kryma* [Encyclopedia of Crimean antiquities: an archaeological dictionary of the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2006, 527 p.
9. Vinogradov A.Yu. Chersonese – Cherson, Pantikapaion – Bosphoros: an identity question or an all-empire process? *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history], 2020, vol. 80, no. 4, pp. 995–1006.
10. Geissler H.G.G. *Byt i navy russkogo naroda na rubezhe XVIII–XIX vekov* [Daily life and morals of the Russian people ca 1800]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015, 384 p.
11. Ivanov A.V. The ancient lighthouse on Khersones promontory according to the maps and accounts of writers from the late eighteenth and early nineteenth century. *Uvarovskie Tavricheskie chtenija 3 "Drevnosti Juga Rossii"* [Uvarov Taurida Readings 3: Antiquities of South Russia]. Sevastopol, Khersones Tavricheskii Publ., 2018, pp. 44–49.
12. Kacharava D.D., Kvirkvelija G.T. *Goroda i poseleniia Prichernomor'ia antichnoi epokhi* [Cities and settlements in the Black Sea Area in the Ancient Period]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1991, 655 p.
13. Klark M.E.-D. A tour through Russia, Tatar, and Turkey, chapter 8: from Cimmerian Bosphoros to Kaffa, *Arkheologiia i istoriia Bospora* [Archaeology and history of Bosphoros], vol. 3. Kerch, 1999, pp. 11–38.
14. Konkin D.V. Evaluation of the Crimea's economic potential in the works of learned travellers: the "defective perception" and its practical consequences. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The problems of the Crimea's integration into G. R. Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2017, pp. 37–56.
15. Mack G.R., Carter J.C. (eds.). *Krymskii Khersones. Gorod, hora, muzei i okrestnosti* [Crimean Chersonese: city, chora, museum, and environs]. Sevastopol, Khersones Tavricheskii Publ., 2003, 231 p.
16. Markevich A.I. Academician P.S. Pallas. His life, stay in the Crimea, and scholarly works. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission], 1912, vol. 47, pp. 167–242.
17. Martin Broniewski. A description of the Crimea (Tartariae Descriptio). *Zapiski Odesskogo obshchestva*

- istorii i drevnostei* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities], 1867, vol. 6, pp. 333–367.
18. Nikolaenko G.M. *Drevnosti Maiachnogo poluostrova. Arkheologicheskaiia kharakteristika pamiatnikov* [Antiquities of the Maiachnyi Peninsula: archaeological characteristics of the monuments]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2018, 344 p.
 19. Pallas P.S. *Nabliudeniiia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Observations made during the travel through the southern provinces of Russia in the years 1793–1794]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
 20. Ground plan of the ancient city of Chersonese, 1786. *Krym v istorii Rossii* [The Crimea in the history of Russia]. URL: <https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/plan-drevnego-goroda-heronesa>
 21. Bolotina N.Iu. (ed.). *Prisoedinenie Kryma k Rossii. 1783–1796 gg. Sbornik dokumentov* [The unification of the Crimea with Russia, 1783–1796: a collection of documents]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 432 p.
 22. Puzanov I.I. Pallas' stay in the Crimea in the years 1794–1810. *Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologicheskii* [Bulletin of the Moscow Society of the Analyzers of Nature: Biological department], 1974, vol. 79, no. 5, pp. 22–40.
 23. Ravdonikas V.I. The cave towns in the Crimea and the Gothic problem in relation to the stage development of the Northern Black Sea Area. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury* [Proceedings of the State Academy for the History of the Material Culture], 1932, vol. 12, nos. 1–8, pp. 5–106.
 24. Repnikov N.I. Archaeological sites of the Gerakleiskii Peninsula: a review of accounts and researches of the sites on the Gerakleiskii Peninsula from the late-eighteenth century to these days. *Gerakleiskii sbornik* [Gerakleiskii collection], vol. 1, St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 65–123.
 25. Sebag-Montefiore S. *Potemkin* [Potemkin]. Moscow, Vagrius Publ., 2003, 558 p.
 26. Sigismund von Herberstein. *Zapiski o Moskovii. T. 1: Latinskii i nemetskii teksty* [Notes on Muscovy, vol. 1: Latin and German texts]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2008, 776 p.
 27. Strabo. *Geografiia v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 940 p.
 28. Surikov I.E. On the possible identification of one Crimean toponym, Ram's Head Promontory (Κριού Μέτωπον) of ancient sources. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesan collection], 2021, vol. 22, pp. 194–201.
 29. Sytin A.K. *Botanik Petr Simon Pallas* [Peter Simon Pallas as a botanist]. Moscow, KMK Publ., 2014, 456 p.
 30. *Toponimika Kryma. Vyp. 4: Toponimikon Kryma I.L. Belianskogo* [The toponymy of the Crimea, vol. 4: I.L. Belianskii's Crimean toponymikon]. Simferopol, N. Orianda Publ., 2022, 708 p.
 31. Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh Iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [Russian science of the classical antiquities of South Russia, eighteenth to mid-nineteenth century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
 32. Khrapunov N.I. Political history, state and administrative structure of Chersonese from the late fourth to sixth century AD. *Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e. Ocherki istorii i kul'tury* [Tauric Chersonese from the mid-first century BC to the sixth century AD: essays in history and culture]. Kharkov, Maidan Publ., 2004, pp. 521–545.
 33. Khrapunov N.I. The Crimea as described by Reginald Heber (1806). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnography of Tauria], 2008, vol. 14, pp. 645–697.
 34. Khrapunov N.I. Byzantine Cherson and Catherine the Great. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Classical Antiquity and the Middle Ages], 2016, vol. 44, pp. 236–251.
 35. Khrapunov N.I. The ancient town of Mangup in the works of the late eighteenth and early nineteenth century travellers: researches and illusions. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2017, vol. 22, pp. 412–432.
 36. Khrapunov N.I. Edward Daniel Clarke's Crimean letters. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2019, vol. 24, pp. 470–510.
 37. Khrapunov N.I. The studies on the Crimea as an example of scientific cooperation of learned travellers

- ca 1800. *Rossiiskaja nauka v evropeiskom kontekste vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Russian science in the European context in the second half of the eighteenth and the first half of the nineteenth century]. St Petersburg, RNB Publ., 2021, pp. 125–145.
38. Khrapunov N.I. *Angliiskie puteshestvenniki i Krym. Konets XVIII – pervaja tret' XIX v.* [English travellers and the Crimea: late eighteenth to the first third of the nineteenth century]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2022, 324 p.
39. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Bakhchisarai and its monuments as viewed by Edward Daniel Clarke. *Materialy k istorii Prichernomor'ia v Novoe vremia* [Materials on the history of the Black Sea Area in the Modern Period]. Simferopol, 2016, pp. 157–190.
40. Shakespeare W. *Polnoe sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Complete works in 8 volumes], vol. 6. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960, 685 p.
41. Ernst N.L. Eski-Kermen and the cave towns in the Crimea. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii* [Proceedings of the Taurida Society for the history, archaeology, and ethnography], 1929, vol. 3, pp. 15–43.
42. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey.* London, T. Cadell and W. Davies, 1810, 812 p.
43. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey,* 4th ed., vol. 1. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 533 p.
44. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey,* 4th ed., vol. 2. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 524 p.
45. Diller A. *The Tradition of Minor Greek Geographers.* Lancaster (PA), Lancaster Press, 1952, 199 p.
46. Rallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794,* Bd. 1. Leipzig, Gottfried Martini, 1799, 516 p.
47. Rallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794,* Bd. 2. Leipzig, Gottfried Martini, 1801, 525 p.
48. Pallas P.S. *Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire in the Years 1793 and 1794,* vol. 2. London, T. M. Longman and O. Rees; T. Cadell and W. Davies; J. Murray and S. Highley, 1803, 523 p.
49. Latyshev V.V. (ed.). *Scythica et Caucasia. Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze* [Scythica et Caucasia: the accounts of ancient writers, Greek and Latin, on Scythia and Caucasus], vol. 1. St Petersburg, Akademiia nauk Publ., 1890, 946 p.
50. *The Life of Reginald Heber, D.D., Lord Bishop of Calcutta,* by his widow, vol. 1. New York, Protestant Episcopal Press, 1830, 638 p.
51. Hornblower S., Spawforth A. (eds.). *The Oxford Classical Dictionary,* 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 1999, 1640 p.

Информация об авторе

Храпунов Н. И. – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Византийский Крым» НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: Q-8101-2017.

Author information

Khrapunov N. I. – Candidate of Science (History), Leading Researcher at the Byzantine Crimea Laboratory of the Research Centre History and Archaeology of the Crimea of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: Q-8101-2017.